

Санкт-Петербургский Государственный Университет

**СКАЗЫВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ДИСКУРСА.
ЛОГИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Выпускная квалификационная работа по направлению
Философия, этика и религиоведение
основная образовательная программа Философия

Исполнитель

Рыбакова Елена Константиновна

Научный руководитель

к. филос. н., доцент

Мигунов Анатолий Иванович

Рецензент

д. филос. н., доцент

Егорычев Илья Эдуардович

Санкт-Петербург

2017

Оглавление.

Введение.....	3
Глава 1. Структура речевых актов и их компоненты.....	7
1. 1. Роль интенции в речевом акте.....	9
1. 2. Конвенциональные и коммуникативные импликатуры.....	12
1.3. Пресуппозиции (презумпции).....	16
1.4. Иллокутивная сила и пропозиция.....	20
Глава 2. Понятие сказывания и современная прагматика.....	24
Глава 3. Сказывание как элемент дискурса.....	43
Заключение.....	61
Список литературы.....	64

Введение.

Лингвистический, логический и философский анализ коммуникации требует тщательного изучения её оснований. Эти основания включают в себя её элементы, понятия, структуру и модель, которые должны быть рассмотрены в своей взаимосвязи друг с другом, а значит в контексте своей реализации, или дискурсе.

Прагматика, как самостоятельный раздел семиотики, исследует коммуникацию с точки зрения её процессуальности и непосредственного производства, тем самым акцентируя внимание именно на деятельностном аспекте языка. Благодаря этому, её подход и методы исследования отличаются от способов изучения коммуникации семантикой и синтактикой и наиболее полно раскрывают природу речевого общения. Так, одним из традиционных подходов прагматики к анализу языка считается теория речевых актов, которая приобрела большую популярность начиная с середины XX века.

Тем не менее, в связи с усиленной разработкой коммуникативной концепции языка, в последнее время среди исследователей всё чаще обсуждается вопрос о применимости теории речевых актов к теории дискурса. Выдвигается ряд аргументов, доказывающих, что данная концепция представляет собой довольно однородное учение об иллокутивной силе высказывания, что позволяет отнести его скорее к иллокутивной или коммуникативно-целевой семантике, чем к прагматике, главным предметом которой является феномен интерпретации как неотъемлемая часть производства речи. Однако, понятие речевого акта шире понятия его иллокутивной силы и именно поэтому способно играть фундаментальную роль в понимании феномена коммуникации, что указывает на его огромный потенциал в рамках прагматики. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью переосмысления традиционной теории речевых актов и её адаптации к современной теории дискурса путём введения понятия сказывания.

Объектом данного исследования предстаёт дискурс, рассматриваемый с

позиций коммуникатороцентрического подхода, а его предметом — сказывание, понимаемое как определённое речевое действие в процессе своего производства.

Целью дипломной работы является комплексный анализ сказывания в логико-прагматическом ключе и его включение в теорию дискурса.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. исследовать внутреннюю структуру речевого акта;
2. определить область применения логики в рамках теории речевых актов;
3. проанализировать подходы к процессу интерпретации, предлагаемые представителями современной прагматики;
4. доказать необходимость изучения сказывания только с учётом его контекстных условий;
5. раскрыть понятие дискурса и установить роль сказывания при его производстве.

В дипломной работе применяются следующие методы исследования: анализ литературы по заданной теме, теоретический анализ и синтез, сравнение, классификация, обобщение.

Теоретическую основу проведённого исследования составляли труды Дж.Остина, П.Грайса, Дж. Сёрля, Ф. Реканати, К. Поттса, представляющих зарубежную традицию, а также работы отечественных исследователей, таких как Е.В. Падучева, Н.Д.Артюнова, А.И. Мигунов и М.Л. Макаров.

Структура работы обусловлена предметом, целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, основной части и заключения. Введение раскрывает актуальность, определяет степень научной разработки темы, объект, предмет, цель, задачи и методы исследования. В первой главе рассматривается понятие речевого акта с позиций традиционного подхода. Во второй главе выводится понятие сказывания и обосновывается применение контекстуального подхода к его интерпретации. Третья глава посвящена анализу дискурса и его составляющих. В заключении подводятся итоги исследования, формируются окончательные выводы по рассматриваемой

теме.

Глава 1. Структура речевых актов и их компоненты.

Обычно выделяется три формы речевого акта, которые существуют отдельно друг от друга только в абстрактной модели. Мы говорим о локутивном, иллокутивном и перлокутивном актах. Локутивный акт — это акт высказывания, который ограничивается только использованием языковых средств. В локутивный акт, по Джону Лэнгшо Остину, входят фонетическая, фатическая и ретическая составляющие, обозначающие соответственно произнесение определённых звуков, упорядочивание этих звуков согласно с правилами грамматики конкретного языка и означивание. Локутивный акт как таковой — это акт, взятый вне контекста коммуникативной ситуации. В свою очередь, иллокутивный акт производится только в контексте как непосредственное речевое действие, выражающее намерение говорящего. В том случае, если такое намерение не просто выражается, но и достигает определённой цели, акт можно считать перлокутивным.

Высказывание (1) «Спорим, я переплыву этот пруд», произнесённое в некотором контексте, может быть успешным/неуспешным и эффективным/неэффективным. Первая пара характеристик относится к нему как к иллокутивному акту, вторая — как к перлокутивному. В качестве только иллокутивного акта это высказывание направлено на то, чтобы намерение говорящего было верно воспринято и понято слушающим, и если это удаётся, оно считается успешным. На этом уровне происходит производство речевого действия: говорящий заявляет о готовности вступить в спор и теперь ждёт ответа слушателя; и если тот, правильно распознав намерение говорящего, откажется спорить по предложенному поводу, то цель высказывания не будет достигнута, а значит, сам по себе перлокутивный акт оказался неэффективен. Всякий речевой акт нацелен на свою реализацию в качестве перлокутива, так как он ориентирован на определённый результат.

Таким образом, перлокутивный акт всегда направлен на реакцию слушателя, на воздействие на него. В отличие от иллокутивного акта, он не относится к сфере лингвистики напрямую, так как эффект, достигаемый им, может быть

не выражен через язык напрямую (например, в высказывании «Пора вставать» нет указания на то, чего именно добиваются от слушателя, что также отчётливо видно в предложениях, сформулированных согласно правилам этикета). Эту отличительную черту можно сформулировать так: перлокутивы никогда не конвенциональны¹. Из анализа примера (1) следует также обоснование того, почему эффективность перлокутивного акта всегда находится в зависимости от успешности иллокутивного: действие не может быть эффективным, если сама его направленность не понята. Другими словами, спор не состоится, если слушающий воспримет данную фразу как шутку.

Теория речевых актов занимается иллокутивными высказываниями. Джон Роджерс Сёрль объясняет это следующим образом: «Вопреки распространенному мнению основной единицей языкового общения является не символ, не слово, не предложение и даже не конкретный экземпляр символа, слова или предложения, а производство этого конкретного экземпляра в ходе совершения речевого акта. Точнее говоря, производство конкретного предложения в определенных условиях есть иллокутивный акт, а иллокутивный акт есть минимальная единица языкового общения»².

Высказывание (понимаемое нами как высказываемое предложение), совершённое говорящим в рамках известного контекста и с определёнными интенциями (намерениями) содержит в себе один или несколько иллокутивных (речевых) актов. Последние, в целом, состоят из пропозиции (Р) и иллокутивной силы (F), которая включает в себя остальные элементы, такие как иллокутивная цель, способ достижения иллокутивной цели, условие пропозиционального содержания, предварительные условия, условия искренности и интенсивность. Иллокутивная сила — это то, что делает речевой акт таковым, без неё оно невозможно.

Такова структура речевого акта, теперь остановимся на компонентах

1 *Стросон П.Ф.* Намерение и конвенция в речевых актах. // *Философия языка.* - М., 2010. - С.36

2 *Сёрль Дж.Р.* Что такое речевой акт? // *Философия языка.* - М., 2010. - С.61

речевого высказывания, среди которых мы выделяем интенцию, конвенциональные и коммуникативные импликатуры, пресуппозицию, пропозиция, иллокутивную силу с её составляющими, а также списки правил, следуя которым участники коммуникации могут успешно её осуществить.

1.1) Роль интенции в речевом акте.

Каждое высказывание, произведённое некоторым субъектом, обладающим сознанием, имеет своё интенциональное содержание. В философии выделяют два вида интенциональности. Первая интенциональность, если говорить о ней в общих чертах, представляет собой такое содержание сознания, которое заключает в себе информацию о самом мире, о том, что находится вне этого сознания. Вторая интенциональность — это отношение к тому, что выражено в первой. Язык транслирует именно вторую интенциональность, поэтому данное понятие представляет интерес не только для философии сознания, но и для прагматики.

Началом исследования интенций в рамках теории речевых актов можно считать обнаружение Гербертом Полом Грайсом двусмысленности английского слова «meaning», «в котором он обнаружил две составляющие: meaning как стационарное объективное значение языкового выражения и meaning как подразумевание, то есть значение, зависимое от субъективных намерений (интенций) того, кто употребляет языковое выражение в коммуникативном процессе»³. Основываясь на этом открытии, философ строит свою концепцию языка, в которой отдаёт предпочтение теории интенционального происхождения слов. Дальнейшие исследования в этом ключе продолжил Дж.Р. Сёрль, заявивший, что философские проблемы языка суть производные от проблем сознания. Следовательно, интенциональность речевого акта берёт своё начало именно в сознании субъекта. Более того, «язык выводится из Интенциональности, а не наоборот»⁴.

3 *Ладов В.А.* Интенциональность в аналитической философии и феноменологии // Язык, сознание, мир. Очерки компаративного анализа феноменологии и аналитической философии. - М., 2010. - С.36

4 *Searle J.R.* Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. - Cambridge, 1983. - P.40

Принимая во внимание то, что интенциональность — это такое свойство сознания, которое определяет характер речевого высказывания путём образования интенций, Дж. Сёрль выделяет пять типов высказываний: ассертивы, директивы, комиссивы, экспрессивы, декларации. Кратко поясним содержание этих понятий.

Ассертивы — это вид иллокутивного акта, в котором говорящий утверждает с определённой долей уверенности существование интенционального объекта в реальности (например, «Я утверждаю, что зарядка полезна для здоровья»).

Директивы — это вид иллокутивного акта, в котором говорящий воздействует на адресата, призывая его реализовать то, что соответствует интенциональному объекту говорящего (например, «Рекомендую делать зарядку по утрам»).

Комиссивы — это вид иллокутивного акта, в котором говорящий высказывает своё намерение реализовать интенцию (например, «Я буду делать зарядку по утрам»).

Экспрессивы — это виды речевых актов, в которых говорящий выражает своё отношение к интенциональному объекту (например, «Как здорово делать зарядку по утрам!»).

Наконец, декларации — это такие виды речевых актов, совершая которые, говорящий самостоятельно реализует свои интенциональные объекты в действительности и изменяет мир (например, «Объявляю понедельник днём зарядки!»).

На данный момент не существует единой теории точного определения интенционального состояния субъекта и способов его экспликации в речевых актах, однако традиционная теория речевых актов допускает, что одним из средств выражения речевого намерения является перформативная форма, которая включает в себя иллокутивные глаголы, о которых мы говорили выше. Такой подход требует доработки, так как, если в прямых речевых актах он эффективен, то на уровне косвенных речевых актов он приводит в тупик.

Поясним. Строгое соотнесение перформативных глаголов с каким-либо типом иллокутивных актов, перечисленных выше, достаточно затруднительно. Действительно, если относиться к высказыванию «Скажи, почему ты такой неряшливый?» как к прямому речевому акту, то мы видим, что его целью является получение некоторой информации, однако в случае восприятия этого предложения как косвенного речевого акта, мы замечаем, что здесь заложена иная интенция, направленная на упрёк или призыв к аккуратности. По этой причине необходима более детальная разработка теории взаимосвязи интенции, контекста и выразительных средств речевых высказываний.

Так, для Дж. Сёрля принципиально важно установить условия перехода от первой интенциональности ко второй, так как здесь раскрывается тайна коммуникации в целом и понимания в частности. Он утверждает, что слушая речь другого, мы не воспринимаем её как нечто такое, что производится конкретным субъектом и что исходит из содержания его сознания, для нас важен скорее сам язык, или само послание. Это можно объяснить тем, что в процессе коммуникации речь словно получает свою собственную интенциональность. Выражаясь иначе, мы воспринимаем её отдельно от субъекта, что является результатом иллюзии, которая и помогает нам понять другого. В некотором смысле, это во многом зависит и от того, что желая выразить свои интенции, мы пользуемся уже готовыми языковыми моделями, доступными каждому участнику общения и опосредующими наше сугубо внутреннее, ещё «нерасчленённое» психическое состояние. Так рождается интерсубъективный уровень коммуникации. Если бы у нас не было описанной иллюзии и конвенциональных установок языка, мы бы не смогли найти средства для корреляции наших интенций и пришли бы к «коммуникативному провалу».

Итак, будучи движущей силой речевого общения, «ради которой говорящий производит данное высказывание и которая, по его замыслу, должна быть распознана адресатом»⁵, интенция всегда ограничена языком и содержанием

5 Кобозева И.М., Сунь Шуфан. Иллокутивная функция высказывания и модальность предложения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 2004, №5, С.130

сознания Другого. Интенциональный компонент высказывания представляет собой комплекс интенциональных состояний говорящего, закодированных в его речи, и в задачу прагматики входит «построение модели приписывания говорящему определённых интенциональных состояний на базе того, что и как он говорит, которое составляет интегральную часть понимания речевого смысла высказывания»⁶, то есть распознавание того, «что я говорю, когда я говорю».

1.2) Конвенциональные и коммуникативные импликатуры.

Теорию импликатур впервые сформулировал Г.П. Грайс, который обратил внимание на различие между тем «что сказано» и тем, «что имелось в виду». Импликатуры — это подразумевание в акте высказывания того, что не было выражено в нём явным образом. Само подразумеваемое П. Грайс называет импликатами. Например, А: «Ты пойдёшь сегодня в парк?», В: «К сожалению, на сегодня у меня уже есть планы». В данном случае, отвечая на вопрос А, В говорит, что на сегодня у него есть планы (экспликатура), а имеет в виду то, что «нет, в парк я сегодня не пойду». Последнее и есть импликат, который выражается через импликатуру. Его можно декодировать посредством другого речевого высказывания (S'), отличного от того, которое было использовано (S).

То, что выражено посредством импликатур, можно принять за смысл или значение высказывания, но это не так: оно не является ни тем, ни другим, хотя и входит в содержание высказывания, то есть представляет собой неявные аспекты его внутренней структуры. Под импликатурой понимается отношение имплицитирования дополнительного смысла, возникающего в микроконтексте и не указанный непосредственно значениями соположенных единиц языка»⁷.

6 *Кобозева И.М.* К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки) // Вестник Московского университета. Серия 10. Филология, 2006, №3. С.72

7 *Арнольд И.В.* Статус импликации в системе текста // Интерпретация художественного текста в языковом вузе. - Л., 1983. - С.4

П. Грайс выделяет конвенциональные и коммуникативные импликатуры. Их различие заключается в следующем. Конвенциональные импликатуры связаны с лингвистическим содержанием высказывания, то есть выводятся из синтаксической конструкции данного языка и значений его слов, в то время как коммуникативные импликатуры в большей мере определяются самой коммуникативной ситуацией. Это значит, что не всё, что слушатель извлекает из высказывания, входит в значение и смысл последнего. «Изучение тех компонентов смысла высказывания, которые представимы как импликатуры, можно отнести к собственно прагматике, оставив в ведении лингвистической семантики только то, что конвенционально»⁸.

Выявление наличия коммуникативных импликатур происходит благодаря Принципу Кооперации, который П. Грайс разворачивает в виде системы постулатов⁹:

I. Максима качества:

1. Не говори того, что считаешь ложным.
2. Не говори того, для чего нет достаточных оснований.

II. Максима количества:

1. Говори настолько информативно, насколько это требуется (для выполнения текущих целей диалога).
2. Не говори больше, чем требуется.

III. Максима релевантности:

1. Будь релевантным
2. Не отклоняйся от темы, говори по существу

IV. Максима метода (manner):

1. Будь последовательным. Избегай неясности.
2. Избегай двусмысленности.
3. Будь краток (избегай излишнего многословия).
4. Излагай свои мысли чётко (будь организован).

8 Там же.

9 Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. - М., 1985. - С.223

Первые три раздела касаются того, что говорится, а четвёртый — каким образом. Обладая меньшей степенью обязательности, чем грамматические правила языка, Принцип Кооперации предназначен для того, чтобы участники коммуникации могли максимально успешно выражать свои интенции, а также действовать всегда в целях определённого дискурса, одной из которых для обоих участников является достижение взаимопонимания. «Коммуникативные постулаты позволяют выводить из прямого смысла высказывания то, что называется импликатурами дискурса, — компоненты содержания высказывания, которые не входят в собственно смысл предложения, но «вычитываются» слушающим в контексте речевого акта»¹⁰.

Мы говорим, что постулат тогда используется в речевой ситуации, когда слушающий извлекает из высказывания больше информации, чем можно выявить из одного только лингвистического устройства предложения. Это возможно в результате принятия презумпции кооперативности говорящего, что означает предположение об эксплуатации постулатов говорящим. Заключение, полученные благодаря этой презумпции, и есть содержание коммуникативных импликатур. «То есть импликатуры — это заключения, которые делает слушающий, принимая во внимание не только само содержание предложения S , но и то обстоятельство, что говорящий вообще произнёс S в данной ситуации, и то, что говорящий не сделал вместо высказывания S некоторого другого высказывания S' »¹¹.

Коммуникативные импликатуры обладают логическими свойствами: аннулируемость, неотделимость и выводимость. Аннулируемостью называется такое свойство импликатур, которое указывает на их контекстуальную зависимость и способность быть погашенными, то есть в одном случае мы можем сказать, что p , а в другом — что $\neg p$, не вызывая противоречия. Неотделимость — это такое свойство коммуникативных импликатур, при котором замена одного высказывания другим не приводит к

устранению импликатуры, поскольку она производится самим актом произнесения, а не выбором слов. Выводимость означает то, что импликатуры можно последовательно выявить из контекста речевого акта. Термин «выводимость» подразумевает такие логические операции, применяя которые слушающий верно интерпретирует речь говорящего. Отсутствие одного из этих свойств говорит о том, что импликатура конвенциональна.

При выявлении коммуникативной импликатуры слушающий руководствуется 1) знанием значений слов данного языка; 2) Принципом Кооперации и постулатами; 3) контекстом речевой ситуации; 4) фоновыми знаниями (пресуппозицией в широком смысле слова); 5) тем, что все участники коммуникации убеждены в том, что p .

«Общая схема вывода коммуникативной импликатуры выглядит так: «Он сказал, что p ; нет оснований считать, что он не соблюдает постулаты или по крайней мере Принцип Кооперации; он не мог сказать p , если бы он не считал, что q ; он знает (и знает, что я знаю, что он знает), что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что q ; он хочет, чтобы я думал — или хотя бы готов позволить мне думать — что q : итак, он имплицировал, что q »¹².

Таким образом, коммуникативные импликатуры не связаны с лингвистическим содержанием напрямую, что делает теорию Грайса удобной для применения в анализе косвенных речевых актов. При этом подчеркнём, что импликатура не является самым косвенным речевым актом.

В завершение отметим тот факт, что коммуникативная импликатура не исключает конвенциональной. За адресатом всегда остаётся право пренебрегать реальной интенцией говорящего и реагировать только на буквальный смысл, но тогда иллокутивный акт будет characterized как неуспешный.

1.3) Пресуппозиции (презумпции).

Понятию импликатур часто противопоставляется понятие «пресуппозиция»¹³, под которым понимаются такие содержательные элементы высказывания, которые говорящий полагает в основу своей речи, чтобы сделать её уместной и значимой для данной коммуникативной ситуации. Однако прежде чем более чётко сформулировать основания для различия импликатур и пресуппозиций, проясним, что понимаем под последними.

В прагматических исследованиях принято разделять семантические и прагматические пресуппозиции (презумпции). К категории семантических пресуппозиций относятся такие, выражение которых приводит к их трансформации в определённую пропозицию, то есть семантические пресуппозиции — это скрытые пропозиции, которые говорящий не видит смысла эксплицировать и которые связаны определённой логической связью с выраженными в речевом акте пропозициями. Пресуппозиции, как и пропозиции, обладают истинностным значением, поэтому их можно определить следующим образом: «суждение Р называется семантической пресуппозицией суждения S, если из истинности, и из ложности S следует, что Р истинно. Иначе говоря, Р — презумпция S, если ложность Р означает, что S не является ни истинным, ни ложным, то есть не имеет истинностного значения»¹⁴. Это определение называется функционально-истинностным.

Е.В. Падучева склонна отождествлять конвенциональные импликатуры и семантические презумпции: «Утверждается, что конвенциональные импликатуры отличаются от пресуппозиций тем, что ложность импликатуры не лишает утверждения истинностного значения, а вопроса — возможности на него ответить...Однако никаких критериев для их разграничения пресуппозиций и конвенциональных импликатур не предлагается...»¹⁵, но эта точка зрения оказывается под сомнением, если придерживаться той позиции, что выявление пресуппозиций и их истинностных значений относится к

13 Например, см. *Potts C. Presupposition and implicature.* - Stanford, 2014

14 *Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью.* - М., 2010. - С.51

15 Там же. С.53

сфере семантики, а экспликация содержания имплицатур (даже конвенциональных) в конечном итоге происходит в рамках прагматики.

Семантические пресуппозиции суть основания выражаемых пропозиций, их выявление входит в задачи логики и семантики, так как они являются тем, что при экспликации становится пропозицией речевого высказывания, то есть его «неподвижной и неизменной» частью, изучение которой как таковой мало интересует прагматику и теорию речевых актов. Пресуппозиции (как скрытые пропозиции) представляют собой суждения в том смысле, который они имеют в логике. При таком понимании, пресуппозиции изучаются семантикой в качестве отношения «знак — референт», а роль интерпретатора сводится к минимуму — он участвует здесь только как сознание, в котором это отношение формируется.

Если пропозиция в речевом акте есть указание на осмысленность высказывания, то семантическая презумпция выступает в нём именно как условие этой осмысленности, как указание на адекватное выражения положений дел в мире посредством знаков. Семантическая пресуппозиция «терпит провал только в том случае, если слушающий знает, что суждение Р ложно: если он ничего не знает о Р, он просто принимает Р к сведению»¹⁶, другими словами, речевой акт будет считаться неуспешным лишь тогда (и только тогда), когда Р ложно, так как высказанное в нём предложение будет воспринято как аномальное, бессмысленное, не подлежащее какой-либо интерпретации.

Итак, семантические пресуппозиции — это особого рода суждения, изучение которых входит в сферу семантики и логики (в некоторой литературе семантические пресуппозиции называют триггерами¹⁷, то есть условием, при наличии которого должно наступать предписанное следствие).

Принимая ту позицию, что экспликация содержания конвенциональных имплицатур относится к задачам семантики, мы должны всегда помнить о

16 Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. - М., 2010.
- С.58

17 Potts C. Presupposition and implicature. - Stanford, 2014. - P.5

том, что здесь речь идёт лишь о лингвистических средствах распознавания импликатур, а не об их семантической природе как в случае пропозиций или пресуппозиций. Таким образом, мы настаиваем на том, что конвенциональные импликатуры суть частный случай импликатуры вообще, то есть они представляют собой феномен прагматики и теории речевых актов. Конвенциональные импликатуры отличаются от коммуникативных лишь способами дешифровки, но все они, оставаясь импликатурами, принадлежат сфере прагматики, определяемой нами как отношение «знак — интерпретатор».

Именно здесь мы вступаем в то пространство научного дискурса, которое было невозможно в рамках одной семантики. Теперь можно говорить о субъективности всякого высказывания, так как его предмет уже представляет собой некоторую интенцию говорящего. И хотя, на первый взгляд, конвенциональные импликатуры также выражают отношение «знак — объект», мы не должны забывать о том, что это происходит только при активном участии агента речи, то есть здесь играет важную роль не только наличие у него сознания, но и содержание этого сознания: намерение, цель, знание контекста.

Таким образом, отождествление конвенциональной импликатуры и семантической пресуппозиции, произведённое Е.В. Падучевой, имеет место только при объединении прагматики и семантики в одно целое, где последняя играла бы определяющую роль.

Далее, если семантическую пресуппозицию удобно называть именно пресуппозицией в силу заложенного в неё нами смысла, то прагматическую пресуппозицию наиболее уместно называть презумпцией. Это связано с тем, что прагматическую презумпцию принято определять как предположение говорящего о том, что высказывание P известно адресату речи, и поэтому нет необходимости его непосредственно высказывать — слушающий обладает презумпцией знания, что q . Собственно по этой же причине подобные презумпции называют прагматическими — они ориентированы на

слушающего. К тому же, презумпциями такого рода обладают участники разговора, а не пропозиции или предложения.

Роберт Столнейкер, который ввёл данный термин в прагматику, считал, что чистые прагматические презумпции не могут быть просто выражены в словах или фразах, используемых вне речевой ситуации, они должны рождаться из свойств конкретного контекста в силу того, что они есть общий фонд знаний всех участников коммуникации, который образует предусловие для успешного речевого взаимодействия. Таким образом, прагматическая презумпция не работает не только когда Р ложно, но когда слушающий вообще ничего не знает про Р, если мы не берём во внимание такие обстоятельства как «вера на слово» или «неискреннее согласие», когда слушающий лишь делает вид, будто знает о Р.

В завершение скажем, что между понятиями семантической и прагматической пресуппозиций, несмотря на их различия, противоречия нет, «в общем, можно сказать, что любая семантическая пресуппозиция пропозиции, выраженной в некотором контексте, будет и прагматической пресуппозицией участников этого контекста; обратное, очевидным образом, неверно»¹⁸.

1.4). Иллокутивная сила и пропозиция.

Ни один речевой акт не может считаться таковым, если из него исключена иллокутивная составляющая, представленная иллокутивной силой. Высказывание, в котором отсутствует этот элемент, мы называем структурно-семантическим предложением или пропозицией, которые принято рассматривать их лишь в рамках грамматики, семантики и логики.

Иллокутивная сила представляет собой коммуникативную функцию речевого акта, которая предоставляет структурно-семантическому предложению определённое место в контексте коммуникации и задаёт ему мотив, цель и направление, уместность которых возможна только при заданных условиях.

Иллокутивная сила — это целенаправленное воздействие на собеседника при помощи языковых средств, которое содержит в себе несколько компонентов: иллокутивная цель, способ достижения иллокутивной цели, условие пропозиционального содержания, предварительные условия, условия искренности и интенсивность. Каждый из перечисленных элементов служит инструментом для точного и адекватного выражения интенции и, соответственно, её реализации.

Иллокутивную силу достаточно легко распознать, если она выражается через перформативные глаголы в прямых речевых актах: «Прошу, не закрывай окно», но в реальных речевых ситуациях предложения строятся не всегда так, и чем меньше индикаторов иллокутивной силы в речи говорящего (интонация, жесты, используемые слова и т.д.), тем больше возможностей для трактовки высказывания у слушающего и тем меньше шансов на успешную коммуникацию для всех участников. Таким образом, неверно переданная и воспринятая иллокутивная сила ведёт к коммуникативному сбою, угрозу которого обычно предотвращают уточняющими репликами вроде «В каком смысле *p*?», «Что значит *p*?». Но даже в том случае, когда говорящий производит прямой речевой акт с употреблением перформативных глаголов, слушающий всё равно может быть введён в замешательство, например, когда речь идёт о приказе со стороны того, кто раньше совершал лишь вежливые просьбы. Это ещё раз указывает на трудности экспликации иллокутивной силы не только в непосредственно логико-прагматическом анализе, но и в повседневном общении.

Второй компонент речевого акта — пропозиция. Пропозиция — это такое содержание речевого акта, которое остаётся неизменным при смене форм речевого высказывания и его иллокутивных сил. Е.В. Падучева выделяет три трактовки пропозиции, которые взаимодополняют друг друга¹⁹:

1. Пропозиция — это то, что фигурирует в речевом акте, то есть то, что может быть подвергнуто утверждению, сомнению; то, что может быть предметом

19 Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. - М., 2010. - С.36

просьбы, приказания, пожелания, обещания: все эти различные иллокутивные акты могут иметь одну и ту же пропозицию.

2. Пропозиция является естественным аргументом модальных операторов и предикатов пропозициональной установки (то есть разного рода интенциональных операторов), таких, как "возможно", "необходимо", "считает", "боится" и т.д.

3. Неутверждаемая пропозиция является семантическим актантом перформативных глаголов. То, что подчиненная пропозиция не утверждается, особенно ясно в случае не-констативного перформатива (констативный перформатив прозрачен для утверждения: когда констативный перформатив употребляется в речевом акте утверждения, утвердительность переносится на подчинённую ему пропозицию).

В связи с последним замечанием обращается внимание на то, что непосредственное установление истинности пропозиции возможно только в том случае, когда она утверждается; в остальных типах высказывания она есть пропозициональная функция и потому принципиально отличается от суждений, рассматриваемых классической логикой.

В естественном языке не существует пропозиций в чистом виде, они всегда включены в содержание высказывания и связаны с его иллокутивной силой, и говорящий при производстве какого-либо речевого акта стремится к тому, «чтобы пропозициональное содержание его аргументов непротиворечивым образом вписывалось в имеющуюся у собеседника картину мира, то есть было приемлемо для него»²⁰. Другими словами, как правило, участники коммуникации ищут общие положения, а не утверждают друг для друга нечто новое, поэтому истинность здесь выступает в пределах их собственных знаний и следующих из них умозаключений. Однако не стоит сводить соотношение языка и мира только лишь к случайным и второстепенным результатам речевого акта. Несмотря на то, что участники коммуникации не всегда могут высказывать пропозиции с истинностными характеристиками

(например, «Пожалуйста, полей цветы»), они всегда вправе это сделать (например, «Утверждаю, что дуб — это дерево»), всё зависит лишь от целей, поставленных в данном дискурсе. И как только целью становится установление истины, высказывание строится соответствующим образом, то есть в форме утверждения, который представляет собой коммуникативный акт, выражающий суждение. «Определение пропозиции как выражения, способного быть истинным или ложным, достаточно верно, но не перспективно, так как оно может легко привести к отождествлению пропозиции с суждением или утверждением; между тем элемент утверждения в суждении чужд утверждаемой пропозиции. Пропозиция есть нечто утверждаемое, содержание утверждения, причем то же самое содержание, обозначающее то же самое положение дел, может быть подвергнуто запросу, отрицанию или только предположению. Оно может быть использовано также и в других модусах»²¹.

Следует различать суждение и утверждение, как то, в чём констатируется истинность пропозиции и то, что является речевым актом агента коммуникации. Так, утверждение не может быть совершено в полном смысле этого слова, если говорящий не основывает его на своём суждении и (или) слушающий считает, что говорящий не искренен или что у него нет оснований для данного речевого акта.

Чтобы более точно понять, каково место пропозиции в речевом акте, приведём схему утверждения:

1. Р — пропозиция;
2. «Р истинно» — суждение;
3. «Суждение “Р истинно” является истинным суждением» — прагматическая пресуппозиция;
4. F («Р истинно») — акт утверждения.

Классическая логика направлена на анализ (2), а прагматика на (3). При этом важно понимать, что речевой акт сам по себе не может быть

21 *Lewis C.I.. An analysis of knowledge and valuation. // Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. - М., 2010. - С.37*

истинным/ложным, а только успешным/неуспешным, но только посредством его анализа возможно выделить пропозициональное содержание высказывания. «Высказывания можно рассматривать абстрактно, вне прагматического контекста лишь пока не указывается их автор. Как только появляется ссылка на авторство, высказывание обретает прагматический контекст»²². То есть исключительно логический подход к коммуникации исключает одну из её ключевых характеристик, поэтому требует своего дополнения в виде прагматики.

Итак, логика не занимается анализом речевых актов, в том числе она не служит средством для установления истинности утверждений, в противном случае происходят парадоксы вроде «лжеца»²³. Чтобы избежать такого рода проблем, необходим именно логико-прагматический анализ речевого акта, который бы различал коммуникативные презумпции говорящего и само суждение.

Например, логико-прагматический анализ речевого акта «Меня здесь нет» говорит о его аномальности в качестве коммуникативного действия «утверждение», так как наблюдается несоответствие между прагматической пресуппозицией и пропозициональным содержанием; и говорит также, например, о его ложности в качестве суждения, так как оно может быть таковым в определённый момент времени.

Сказанное означает, что успешность и эффективность высказывания зависит не от объективных истинностных условий его пропозиционального содержания, выявленных при помощи логики, а от соблюдения прагматических презумпций. Контроль за этим соблюдением совершается всеми участниками дискурса.

22 Мигунов А.И. Логика и прагматика дискурса. // Логико-философские штудии. Вып.8. - СПб, 2010. - С. 26

23 См. Там же.

Глава 2. Понятие сказывания и современная прагматика.

Итак, мы разобрали основные понятия теории речевых актов. Несмотря на то, что она представляет собой лишь один из возможных подходов к прагматике, мы можем вслед за М.В. Никитиным утверждать, что «прагматика открывается теорией речевых актов. Здесь её ядро, в этом её специфика»¹¹. Действительно, помимо речевого акта, за единицу речи исследователи принимают также речевой жанр, коммуникативный акт, минимальный диалог или речевую стратегию, но всё же эти подходы «в той или иной мере соотносятся с теорией речевых актов, развивают её»,²² фокусируясь на различных аспектах коммуникативного процесса. Так, речевой жанр, основанный на идеях М.М. Бахтина, опирается на семантическую и стилистическую стороны коммуникации, теория минимального диалога акцентирует внимание на процессе интеракции, коммуникативный акт раскрывает механизмы речемыслительной деятельности в экстралингвистических условиях, а стратегический подход ставит своей целью изучение речевого общения с точки зрения его целевых установок и достигаемых результатов.

Каждая из этих концепций заслуживает отдельного внимания, так как выделяет и разрабатывает в прагматике определённую область, свой собственный предмет. Тем не менее, для нашего исследования здесь принципиально важно лишь одно: все эти подходы берут начало с высказывания как акта, как того, что по своей сути процессуально и целенаправлено. Исходя из этого, мы выделяем более общее понятие, с которым и будем работать в дальнейшем — это понятие сказывания. Необходимость такого шага обусловлена открывающейся перспективой рассмотрения проблематики речи со стороны её самого общего и основополагающего элемента и выхода за пределы стандартной теории речевых актов. В результате, сказывание для нас выступает в качестве

1 Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. - СПб, 2007. С. 606.

2 Пащенко М.А. Выявление единиц коммуникации: коммуникативно-стратегический подход. // Вестник ЗабГУ. Вып 92. - Чита, 2013.С. 119.

минимальной единицы коммуникации и, соответственно, главного предмета прагматики.

Если избрать данную позицию, то встаёт вопрос о характеристиках сказывания в названном статусе, ведь «единица коммуникации предполагает некую структурную оформленность, качества эталонности и инвариантности».³³ Столь справедливое замечание указывает на необходимость уточнения нашего понимания сказывания: в данной работе не предлагается принципиально новая минимальная единица коммуникации, но лишь совершается попытка пересмотра понятия речевого акта в традиционном смысле. Так, сохраняются все его элементы, перечисленные нами ранее, а также свойства, функции и положение речевого акта в процессе коммуникации, однако будут высказаны некоторые положения, которые не входят в традиционную теорию, разработанную Остином, и Сёрлем.

Например, согласно Дж. Сёрлю «функция адресата сводится к роли слушающего, то есть замыкается восприятием и интерпретацией сообщения»⁴⁴⁹, но в действительности роль слушателя более активная, чем кажется на первый взгляд. Во-первых, слушающий, получив право речи, становится говорящим, по отношению к которому теория речевых актов также применима. По сути, слушающий потому есть слушающий, что он в любой момент может стать говорящим. «Попытка сказать — это всегда попытка сказывающего понять сказываемое перед лицом другого и для другого, который, в свою очередь, стремится понять сказанное ему, то есть пытается сказать это для себя»⁵⁵⁰.

Во-вторых, фигура слушающего, представляющая собой элемент контекста для говорящего, ограничивает возможности говорящего в производстве речевых актов, оставаясь сама полностью свободной в интерпретации. Безусловно, мы это говорим с некоторыми оговорками, так как помним, что

3 Пашенко М.А. Выявление единиц коммуникации: коммуникативно-стратегический подход. // Вестник ЗабГУ. Вып 92. - Чита, 2013.С. 119.

4 Артюнова Н.Д. Фактор адресата. // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. - М., 1981. - Т.40, №4, С.358

5 Мигунов А.И. Семантика аргументативного речевого акта. // Мысль №6. - СПб., 2006. - С.39

конечная цель для всех участников общения — взаимопонимание.

Если рассматривать каждый речевой акт обособленно и вне его связи с другими высказываниями, то выходит, что говорящий ограничен своими интенциями и мотивами, а слушающий выступает как воспринимающее сознание, на языке которого следует говорить. Хотя следует признать, что такой подход вызывает определённое сомнение, так как в реальных условиях не существует описанных говорящего, слушающего и обособленного речевого акта. Одной из причин этого является то, что говорящий, произнося какое-либо высказывание сам выступает в качестве слушающего. «Говорящий является интерпретатором собственного высказывания не в меньшей степени, чем слушающий. Более того, именно он является первым интерпретатором своего высказывания»⁶⁵¹. Более отчётливо это видно, если взять в пример монолог. В самом деле, даже обращаясь к самому себе, человек адресует сообщение либо воображаемому собеседнику, либо некоторой «части» самого себя, то есть он всегда создаёт такую речевую ситуацию, в которой есть говорящий и слушающий. Таким образом, участвуя, допустим, уже в диалоге, говорящий должен слышать себя со стороны, чтобы понять насколько точно он формулирует своё послание, в силу того, что каждое речевое высказывание обусловлено той моделью адресата, к которой оно обращено. Другими словами, какое-либо речевое высказывание вообще существует потому, что есть определённая модель адресата.

Однако говорящего ограничивает не только слушающий, но и сам язык. Он предоставляет в распоряжение коммуникантов кроме инструментов также и «инструкцию по эксплуатации», не следовать которой означает не добиться цели общения или вообще его не осуществить. «Нельзя на естественном языке описать «мир как он есть»: язык изначально задаёт своим носителям определённую картину мира, причём каждый данный язык — свою»⁷⁵⁶. Поэтому необходимым условием успешной коммуникации является

6 Дымарский М.Я. Прагматика как векторная семантика. // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета 2 (24) 2015. - С.121

7 Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. - М., 2010. – С. 128.

общность языка как особой пресуппозиции.

При этом нельзя не учитывать валентность знаков языка, когда один и тот же знак имеет различные конфигурации у разных его носителей. Забывая об этом, участники коммуникации могут спровоцировать либо коммуникативный сбой как недопонимание, либо коммуникативный провал как абсолютное непонимание. «Таким образом, то, что делает коммуникацию принципиально возможной, может сделать ее и заведомо неадекватной: общность базовых элементов как таковых обуславливает принципиальную возможность общения, в то время как разнящиеся валентности таковых могут привести (и приводят) к коммуникативным неудачам»⁸.

Вариативность валентности знаков регулируется при помощи культурной среды, в которую помещены агенты речи. Так, каждый человек, каждая языковая личность имеет свою собственную систему знаний и представлений, или своё когнитивное пространство, которое является «национально-детерминированным и национально-маркированным, что вполне объяснимо, так как "ядром" когнитивных пространств служит когнитивная база того национально-лингво-культурного сообщества, которое является родным для носителя/носителей данного когнитивного процесса»⁹. Коротко говоря, в когнитивное пространство агента речи входят представления о мире, знание о языке и знание самого языка.

Сказанное означает, что акт коммуникации зависит, как минимум, от говорящего, от слушающего, от языка и от обстоятельств, существующих как на момент высказывания, так и до него. Традиционное понимание речевого акта не включает в себя всех этих аспектов речи в полной мере, что позволяет нам ввести понятие сказывания.

Можно сказать, что сказывание — это понимание речевого акта в самом конкретном смысле, а именно как речевое действие в конкретный момент времени, в конкретных условиях и между конкретными агентами

8 Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – С. 129 .

9 Там же.

коммуникации. Сказывание — это производимый здесь и сейчас речевой акт. Очевидно, что сказывание, в этом смысле, никогда не может находиться вне дискурса, вне контекста, поэтому для нас так важны последние. Их мы рассмотрим ниже. Пока же интересен характер сказывания как такового, то, что на самом деле высказывается, когда агенты речи производят его. В 1 главе уже были рассмотрены основные элементы речевого акта, расширим понимание некоторых из них.

Высказывание «Пойдём выпьем кофе» можно интерпретировать различными способами. Например, это может означать, что А предлагает В выпить с ним кофе, потому что они оба любят этот напиток и иногда собираются вместе, чтобы его выпить. Или же это может означать, что А собирается поговорить с В о каких-либо делах, а предлогом для встречи является данное предложение. Или это намёк со стороны А, обращённый к В и направленный на то, чтобы в результате уйти с места его произнесения. В первом случае, если следовать терминологии П. Грайса, выражена конвенциональная импликатура, в остальных — коммуникативная. «Конвенциональное значение слов определяет, или помогает определить то, что имелось в виду, но оно не может быть полностью отождествлено с тем, что действительно было высказано»¹⁰. В данной главе мы не будем обращаться к конвенциональным импликатурам, но только к коммуникативным, точнее к их соотношению с тем, что было сказано и тем, что имелось в виду. Выражаясь точнее, они интересны тем, что составляют часть сообщения высказывания, но, в отличие от конвенциональных, не предопределяются значением предложения. Таким образом, они связаны только с прагматикой. И так как одна из основных задач прагматики — экспликация прагматических правил, следуя которым говорящий может успешно транслировать свою мысль другому участнику коммуникации, коммуникативные импликатуры представляют особую проблему для исследователей в этой сфере.

¹⁰ Recanati F. What is said and the semantics/pragmatics distinction. 2002. – С. 3.

Итак, коммуникативную импликацию содержит такое высказывание, в котором А говорит р и подразумевает при этом q. Но каким формальным условиям должна она соответствовать, чтобы считаться таковой и быть успешно реализованной?

Взгляд основателя теории импликаций, Пола Грайса, был описан выше, теперь рассмотрим другие подходы.

Стандартная версия, как её называет К. Поттс¹¹, представлена Ст. Левинсоном¹² и заключается в следующих постулатах.

Высказывание А, что р содержит коммуникативную импликацию q, если, и только если:

1. А придерживается всех максим или, хотя бы Принципа Кооперации;
2. Для сохранения предположения (1) *необходимо*, чтобы А действительно предполагал q;
3. А полагает, что и сам А, и адресат В взаимно знают, что В согласен с q как средством для поддержания предположения (1).

Как и у П. Грайса, коммуникативная импликация Ст. Левинсона — это вывод, который должен сделать слушающий, исходя из высказывания А, что р, для дальнейшего речевого сотрудничества. Можно заметить, что участники коммуникации теряют при этом свою активную роль: все положения опираются на предположение (1), диктуемое лишь правилами языка и логики. Кроме того, как отмечает Дж. Хиршберг¹³, это определение не в полной мере различает коммуникативные импликации от устойчивых семантических конструкций различного рода. Например, если оставаться в рамках этой концепции, то будет трудно определить, какой тип импликации содержится в высказывании «Пожар!». С одной стороны, здесь заключена конвенциональная импликация, так как слушатель может декодировать содержащуюся информацию по одному лишь значению предложения, а

11 См. <https://web.stanford.edu/class/linguist236/implicature/materials/ling236-handout-04-02-implicature.pdf>

12 Там же

13 См. <https://web.stanford.edu/class/linguist236/implicature/materials/ling236-handout-04-02-implicature.pdf>

именно воспринять это сообщение как сообщение о факте возгорания и затем действовать уже на основании собственных решений, вполне предсказуемых для рационального поведения и потому не высказываемых/не подразумеваемых говорящим непосредственно. С другой — он вправе сделать вывод, прямо не вытекающий из полученной информации. Действительно, не очевидной будет интерпретация этого высказывания как призыва к спасению всей мебели из горящего помещения, ведь вполне возможно, что говорящий указывал на немедленное бегство из опасной зоны. Так обнаруживается присутствие коммуникативной импликатуры. И тем не менее, как бы мы не определили тип заложенной импликатуры, принципы Ст. Левинсона сохраняют силу действия, ведь он не отражает условий контекста.

Чтобы устранить этот недостаток, Дж. Хиршберг предлагает другие основания для распознавания характера импликатур¹⁴.

Пропозиция q есть коммуникативная импликатура высказывания U агента A в контексте C , если, и только если:

1. A считает, что существует общее, доступное знание всех участников дискурса в C о следовании им Принципа Кооперации;
2. A полагает, что для сохранения (1) для данного U , слушатель считает, что A подразумевает q ;
3. A предполагает взаимное, коллективное знание всех участников дискурса, для поддержания (1), о необходимости считать, что A подразумевает q .

«На этом Хиршберг не останавливается. Она также настаивает, что выводы, произведённые из коммуникативных импликатур говорящего слушателем могут быть отменены, подкреплены и никак не связаны с конвенциональным значением высказывания»¹⁵. Определённо, такой подход определяет участников коммуникации как активных и свободных в большей мере, чем подход Ст. Левинсона. Теперь A не просто должен придерживаться Принципа Кооперации, но он ему следует, предполагая знание об этом у других

14 Там же

15 См. <https://web.stanford.edu/class/linguist236/implicature/materials/ling236-handout-04-02-implicature.pdf>

участников дискурса в С.

Также решается проблема различения коммуникативной импликатуры и устойчивых семантических конструкций за счёт введения понятия контекста (С), в него включена вся специфика ситуации речевого акта. Важность этого обогащения трудно переоценить. Проанализируем речевой акт с коммуникативной импликатурой.

А – В: «Мне надо сегодня сдать эссе».

Импликатура: А весь день будет писать эссе.

1. Контекстная предпосылка: А и В обсуждают вечернюю прогулку по парку.
2. Контекстная предпосылка: информация, что А полностью осведомлён, сколько времени у него займёт написание эссе, доступна и открыта для всех участников.
3. Предположим, что А сотрудничает с В, поскольку, как минимум, выполняет постулаты Качества и Количества.
4. Затем согласимся с убеждением А о том, что его высказывание максимально релевантно, информативно и истинно.
5. В силу (1), пропозиция р, что А надо сдать эссе сегодня до полудня, более информативна и релевантна в данном контексте, чем пропозиция, что эссе надо сдать сегодня.
6. Значит, у А отсутствует достаточное основание для утверждения р.
7. Тогда, если (2), то у А отсутствует достаточное основание для р потому, что р ложно.

Отчётливо видно, что импликатура сильно зависит от контекстных допущений.

Если эссе действительно нужно сдать сегодня (в течение суток), то «мне надо сдать эссе сегодня» оказывается информативным в той мере, в какой это необходимо. Также, если А уже сказал ранее, что он не знает точного времени сдачи эссе (скажем, он ещё не посмотрел в свою записную книжку), то контекстная предпосылка (2) не соответствует реальному положению дел, и В не сможет распознать импликатуру, так как (7) ничем не поддерживается.

Следующий пример.

А: Где можно недорого арендовать автомобиль?

В: Посмотри, что скажет Google.

Импликатура: В не знает, где можно недорого арендовать автомобиль.

1. Контекстная предпосылка: А уезжает в Австралию на постоянное место жительства.
2. Контекстная предпосылка: А ищет адреса автосалонов в Австралии, где можно за небольшую плату арендовать автомобиль. В знает об этом, но не знает адресов.
3. Скажем, что В следует принципу Кооперации.
4. Предположим, в качестве антитезы, что В на самом деле знает, где можно недорого арендовать автомобиль (отрицание импликатуры).
5. Тогда название и адрес автосалона в большей степени соответствовали бы постулатам Качества и Релевантности, чем отсылка к поисковой системе в данном контексте.
6. Возникает противоречие с утверждением (2).
7. Таким образом, можно заключить, что импликатура истинна.

В этом примере импликатуры также в значительной степени зависят от контекстных предпосылок. Если их изменить так, что В знает, где можно арендовать автомобиль, но по каким-либо причинам не желает этого говорить, а А знает, что В уже был в Австралии и арендовал там автомобиль, то А при условии (2) не может верно вывести импликатуру, которую мы оставили прежней.

Это ещё раз доказывает то, что импликатуры находятся только в области прагматики, а значит, они не обладают значением в том смысле, в каком им обладает, например, то, что сказано. Традиционный подход, учитывая этот факт, выделяет три уровня значения сказывания: лексическое значение, то, что сказано и то, что сообщается. И уже то, что сообщается, включает в себя, наряду с тем, что сказано, коммуникативную импликатуру, экспликация которой зависит от контекста произнесения.

Теория П. Грайса объясняет то, каким образом осуществляется связь между пониманием того, что сказано, и того, что имелось в виду, через то, что сообщается. Однако как связано лексическое значение с тем, что сказано? Ведь здесь проблема заключается, в «разрыве, вызванном «свободным типом» контекстной зависимости, так часто встречающейся в естественном языке»¹⁶. П. Грайс отдельно не останавливался на этом вопросе, но этим занимались его последователи, среди которых были Д. Уилсон и Д. Спербер¹⁷. Они использовали выявленные П. Грайсом механизмы выявления коммуникативных импликатур для определения связи между базовым значением предложения и тем, что сказано. При процессе интерпретации значение слова «он» и отношение между «Петром» и «книгой» в предложении «Он купил книгу Петра» выбраны слушающим таким образом, что признаётся следование говорящего Принципу Кооперации. Последний может иметь в виду, что Иван купил книгу, написанную Петром, или что Семён купил книгу, которую Пётр давно искал. То есть адресат выбирает ту трактовку того, что сказано, которая делает это сказанное соответствующим презумпции следования максима́м коммуникации.

В 1997 году Р. Гиббс и Дж. Моис опубликовали статью, в которой описывали результаты экспериментов, целью проведения которых было изучение способа различения коммуникативных импликатур и того, что было сказано¹⁸. Так, в одном из экспериментов предлагалось выбрать вариант ответа, который, как предполагалось, выражал импликатуру высказывания «У Джейн трое детей». Это высказывание было дано в следующем контексте: «Билл хочет встретиться со своей коллегой Джейн, но он ничего о ней не знает. Будучи немного застенчивым, он сначала разговаривает о Джейн с Фредом, который знает её довольно хорошо. Билл интересуется, одинока ли Джейн, на что Фред отвечает, что у неё трое детей». В качестве вариантов

16 Recanati F. The pragmatics of what is said // *Mind and Language*. Vol. 4(4), 1989. – С. 4.

17 См. Спербер Д., Уилсон Д. Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.23: Когнитивные аспекты языка - М., 1988. – С. 76.

18 Gibbs R. W. , Moise J.F. Pragmatics in understanding what is said. *Cognition*. Vol.62(1):51, 1997. – С. 51-74

интерпретации были даны:

- а) Джейн замужем;
- б) У Джейн трое детей, но не больше.

Согласно Принципу Кооперации, интерпретация (а) менее релевантна, чем (б) для данного контекста, хотя возможен вариант, когда верно обратное: например, Фред не знает о семейном положении Джейн и в силу максимы качества, а затем и релевантности говорит (б); но на это отдельно не указывается, поэтому будем считать (а) более подходящей трактовкой. Несмотря на это, опрашиваемые в большинстве случаев называли (б). Этот же феномен был подтверждён и другими экспериментами, когда было дано «У Джейн трое детей» без всякого контекста или пояснений и

- а) У Джейн по меньшей мере есть трое детей, но возможно и больше;
- б) У Джейн точно трое детей и не больше.

Большинство опрашиваемых выбирало второй вариант, опираясь, судя по всему, больше на прагматическую интуицию, чем на правила логики. Исходя из этого, исследователи сделали вывод: «Результаты наших исследований явно противоречат традиционному взгляду П. Грайса о том, что прагматически определённые аспекты значения, выходящие за рамки значений и ссылок, являются коммуникативной имплицатурой и не отражают то, что было сказано»¹⁹.

Пропозиция «У меня есть трое детей» описывает такой факт, при котором у А есть, по меньшей мере, трое детей, а возможно, и больше. Однако получая определённую иллокутивную силу от говорящего в некотором контексте, то есть становясь сказыванием, эта пропозиция теряет свою однозначность и приобретает различные варианты интерпретации. Например, она может сохранить своё изначальное значение, когда А доказывает своё право на льготные билеты; или же получает новый смысл в такой ситуации, когда В, знакомясь, спрашивает А о том, сколько у последнего детей. Ответ А «У меня трое детей» в таком случае был бы максимально уместным для этого

19 *Gibbs R. W. , Moise J.F.* Pragmatics in understanding what is said. *Cognition*. Vol.62(1):51, 1997. – С. 65.

контекста. Если же, допустим, А ответит: «У меня трое детей, и ни одним больше», то это усложнит понимание имплицатуры и высказывания в целом, так как будет нарушена максима количества. Таким образом, понимание основывается скорее на считывании имплицатур, а не на анализе «минимальных пропозиций», причём как со стороны слушающего, так и со стороны говорящего. Однако классическая теория этого не учитывает: «При объяснении этого очевидного факта, теоретики утверждают, что мы осознаём только то, что передаётся или "сообщается" посредством высказывания в самом общем виде. Анализ в ключе "что было сказано буквально" и "что подразумевалось" входит в задачи лингвиста, а не обычного пользователя языка»²⁰.

Ф. Реканати, анализируя данную точку зрения, называет её стандартным подходом и изображает следующим образом²¹:

Осознаваемое (conscious)	1) то, что сообщается (what is communicated)
Неосознаваемое (unconscious)	1.1) то, что сказано (what is said); 1.1.1) значение предложения; 1.1.2) контекстные факторы того, что сказано; 1.2) то, что заключено в имплицатуре (what is implicated)

Таблица 1. Стандартный подход

Так, согласно традиционному подходу, когда слушающий воспринимает речь говорящего, он воспринимает (или его сознанию доступно) то, что сообщается. Это значит, что интерпретации участников коммуникации поддаётся именно синтез двух компонентов: того, что сказано и того, что содержит в себе имплицатура. То, что сказано, состоит из лексического значения пропозиции и условий контекста, которые в своём единстве порождают смысл высказывания, его семантическую составляющую. Имплицатура же абсолютно прагматична по своей природе, то есть задаётся только в рамках непосредственного сказывания, поэтому если то, что сказано,

20 Recanati F. What is said and the semantics/pragmatics distinction. 2002. – С.3.

21 См. Там же

можно понять посредством анализа значения предложения и условий его произнесения, доступных внешнему наблюдателю (в случае Ф. Реканати — лингвисту), то импликатура представляется как полностью недоступная для сознания наблюдателя структура, её содержание раскрывается только для коммуникантов. Как правило, такое положение дел не вызывает у обычных участников коммуникации никаких проблем, пока они способны правильно понимать то, что сообщается, и правильно на это реагировать. Однако, как только происходит коммуникативный сбой или провал, для восстановления эффективности речевого общения агенты вынуждены анализировать проблемное высказывание на более глубоких когнитивных уровнях.

Как показано в таблице, все элементы сказывания подчиняются строгой иерархии, которая такова лишь в теории; на практике, каждая часть неразрывна связана с другой. «Сказать, что значение предложения — это нечто более абстрактное, чем то, что сказано, это просто способ приблизить значение предложения к нижней части дерева [поместить в более глубокие когнитивные слои — *прим. авт.*], и в то же время разместить то, что сказано, ближе к его вершине»²². Иначе говоря, обычный участник коммуникации не будет разбирать каждый уровень отдельно и последовательно, скорее, устранение сбоя будет совершено посредством некоторого общего размышления или прямого вопроса, обращённого к говорящему: «Что это значит?». И хотя выше мы приводили пример того, как можно выводить импликатуры из высказывания путём применения правил, основанных на Принципе Кооперации, этот способ оказывается действенным лишь в случае доступности импликатур сознанию, которой они лишены в стандартном подходе. Р. Кембелл объясняет это тем, что импликатуры входят в состав микропрагматики, принципы которой строятся на прагматической интуиции, а не на логических умозаключениях. «Макропрагматический процесс — это процесс, состоящий из последовательности явных выводов, которые участники коммуникации совершают, руководствуясь принципами

рационального сотрудничества. Микропрагматический процесс развивается как загадочная [= бессознательная] и эвристическая процедура, которая, в случае сбоя, частично заменяет какой-либо макропрагматический процесс по умолчанию»²³.

Таким образом, заключает Ф. Реканати, одна из проблем стандартного подхода заключается в его «разорванности». Обнаруживается, что есть некие базовые значения предложения, через которые участники коммуникации при необходимости понимают то, что сказано. Однако при этом существует то, что заключено в имплицатуре, как в случае эксперимента с информацией о количестве детей, и к этим имплицатурам нет никакого рационально обоснованного доступа. Решения, предложенные другими исследователями, например, Р. Кэмбеллом²⁴, по мнению Ф. Реканати, не являются достаточными основаниями для устранения указанной проблемы и продолжения поддержки данной позиции, поэтому он предлагает другой способ понимания сказывания²⁵:

То, что сообщается (верхний уровень, доступный осознанного понимания)	1) то, что сказано; 2) то, что заключено в имплицатуре
Внеличный уровень (sub-personal level)	1.1) значение предложения; 1.2) контекстные факторы того, что сказано

Таблица 2. Подход Ф. Реканати

Теперь «то, что сообщается» не представляет собой отдельного, единственно относящегося к осознаваемого уровню элемента. Оно является названием уровня, на котором обнаруживают себя и то, что сказано, и сама имплицатура. «На этом изображении есть только два основных уровня: нижний уровень, на котором мы находим как абстрактное значение предложения, так и контекстные факторы, которые сочетаются с ним, чтобы производить то, что

23 Campbell R. Language acquisition, psychological dualism and the definition of pragmatics // Possibilities and Limitations of pragmatics, ed. H. Parret, M. Sbisà. - Amsterdam: Benjamins, 1981 — 95- 129с.

24 Recanati F. The pragmatics of what is said // Mind and Language. Vol. 4(4), 1989. – С.16.

25 Там же С.6.

сказано; и верхний уровень, на котором мы находим и то, что сказано, и то, что заключено в импликатуру, как сознательно доступные вместе и по отдельности»²⁶.

Действительно, то, что сказано, и то, что составляет импликатуру, само по себе открыто и доступно для говорящего, он осознаёт свои основные интенции и вправе выражать их разными способами, чтобы сделать их понятными. Проще говоря, он вправе использовать вербальный или невербальный аппараты, он вправе говорить прямо или подразумевать. И что бы он ни выбрал, то, что он говорит, определяется не только правилами логики, но и его прагматическими интуициями, и последними даже в большей степени. Например, когда А говорит: «Лето выдалось жарким», он не говорит, что было вообще хотя бы одно жаркое лето за всю историю Земли; он говорит, и даже не подразумевает, что то лето, о котором идёт речь в данном контексте, выдалось жарким. Более того, в обычной речевой ситуации он вряд ли предположит, что возможна такая интерпретация его высказывания, которая производится лишь при формальном анализе пропозиции. То есть с его стороны от слушателя ожидается и, за редким исключением, наблюдается такое же следование прагматической интуиции, а не строгим логическим выводам, в противном случае происходит коммуникативный сбой.

Исходя из этого, Ф. Реканати формулирует свой Принцип Доступности, который гласит: «При принятии решения относительно прагматически обусловленного аспекта значения высказывания как части того, что было сказано, то есть, принимая решение относительно вообще того, что было сказано, мы должны попытаться сохранить наши предтеоретические интуиции по этому вопросу»²⁷. Именно этот принцип позволяет вывести то, что сказано, и то, что подразумевается, на один уровень и устранить необходимость их связи, как это было в стандартном подходе. В случае высказывания «Лето выдалось жарким» коммуникативная импликатура

26 Recanati F. What is said and the semantics/pragmatics distinction. 2002. – С. 7.

27 Recanati F. The pragmatics of what is said // Mind and Language. Vol. 4(4), 1989. – С. 16.

отсутствует, так как говорящий говорит именно то, что хочет сказать. Если же мы сохраним в данном случае связь того, что сказано, как пропозицию «существовало такое лето, которое было жарким», и того, что заключено в имплицатуре, «лето этого года было жарким», то мы получим несоответствие сказываемого подразумеваемому именно на уровне коммуникации, а не чистой логики. При этом согласимся с добавлением Ф. Реканати: «Когда я утверждаю, что у нас есть интуиции относительно того, что сказано, я не хочу отрицать, что эти интуиции могут быть нечёткими или что иногда они могут быть противоречивыми. Я говорю о том, что наши интуиции достаточно ясны, чтобы исключить ряд анализов, которые грубо им противоречат»²⁸.

Среди таких анализов был анализ, предложенный минималистами, которые определяют то, что сказано, как минимальное значение высказывания. Сторонники этой теории «стремятся развести нашу лингвистическую компетенцию, связанную со знанием семантики (нашу способность понимать и считать условия истинности типов предложений вне зависимости от их употребления в контексте), и нашу более общую способность объяснить поведение, приписывая другим людям интенции»²⁹. Аргументацию, выдвинутую против этой концепции, мы только что воспроизвели на примере с жарким летом.

Прагматическая интуиция имеет для Ф. Реканати решающее значение. Будучи представителем контекстуализма, он настаивает на том, что для адекватной интерпретации того, что сказано, недостаточно одной лишь семантики. Сказывание абсолютно прагматично по своей природе, что включает в себя и прагматичность условий его истинности. «Я полагаю, что тот, кто в полной мере понимает декларативный речевой акт, знает, какое положение дел могло бы стать основанием для утверждения истинности этого высказывания, то есть знает, при каких обстоятельствах это было бы

28 *Recanati F.* The pragmatics of what is said // *Mind and Language*. Vol. 4(4), 1989. – С. 110.

29 Там же. С.113

верно»³⁰.

В основе контекстного подхода в прагматике к условиям истинности лежит убеждение, что именно они являются главным предметом интереса для лингвистов и философов языка, причём в качестве интуитивно понимаемых. Сказывание «Все билеты были распроданы» с точки зрения грамматики не имеет границ области действия кванторного выражения «все билеты», тем не менее, и говорящий, и слушающий понимают, что речь идёт не обо всех билетах на свете, а только об их определённой контекстной группе. «Согласно Реканати, эта информация привносится в предложение с помощью прагматического процесса наполнения предложения данными конституентами»³¹. Вообще, неартикулированный конституент представляет собой одно из ключевых понятий контекстуализма. Он означает скрытый индекс, который выражает неартикулированные условия контекста. Так, в случае с примером «Лето выдалось жарким» смысл высказывания в полной мере не передаётся, пока агенты не будут учитывать эти невыраженные контекстные обстоятельства. Важно заметить, что эти обстоятельства меняются не только из-за изменения объективных, внешних условий контекста, но и из-за интенций говорящего. Последнее, вероятно, имеет решающее значение.

Такие процессы, где зависимость от контекста не предполагается значением самой лексической единицы (например, в предложении отсутствуют индексалы), но при этом наблюдается влияние этого значения на истинность высказывания, Реканати называет свободными прагматическими процессами. Например, А, объясняя В, где находится больница, говорит: «За углом дома будет больница», подразумевая под углом не буквальный угол дома, а некоторое пространство, которое находится рядом с ним. Значение слова меняет условия верификации высказывания. Получается, что семантика не обладает достаточными средствами для того, чтобы описать высказывание в

30 *Recanati F.* What is said and the semantics/pragmatics distinction. 2002. – С. 7.

31 *Вострикова Е.В.* Семантика vs прагматика: современные подходы. // Панорама. Эпистемология & философия науки №4, Т.XXX. – 2011. – С. 45.

той мере, в какой оно может быть определено как истинное или ложное.

На первый взгляд из этого следует, что язык не обладает той общностью, которая обеспечивает понимание слушающим интенций говорящего. Однако практика этот вывод опровергает. Участники коммуникации успешно осуществляют свои речевые акты за счёт того, что есть устойчивые прагматические интуиции, которые обусловлены личным опытом агентов, проявляющимся в самом языке. Действительно, высказывания, которые реже всего вызывают коммуникативные провалы и сбои, касаются чаще всего окружающей действительности, и наоборот, понимание сугубо личных переживаний вызывает трудности. То есть можно заключить, что опыт у всех в некотором смысле один, когда он касается внешнего мира. Кроме того, как мы говорили выше, будучи языковой личностью, агенты также всегда суть элементы некоторого социокультурного пространства, устройство которого проявляется через самые базовые элементы языка. Это позволяет, не опровергая идеи общности языка, использовать понятие свободного прагматического процесса. По этой причине контекстуализм отстаивает ту точку зрения, что семантика языка есть производная от его прагматики, так как главной ролью в конце концов обладает именно субъект сказывания. Таким образом, «подход прагматики условий истинности в любом случае бросает вызов современному пониманию формальной семантики и требует серьёзного пересмотра ее оснований»³².

32 Вострикова Е.В. Семантика vs прагматика: современные подходы. // Панорама. Эпистемология & философия науки №4, Т.XXX. – 2011. – С. 58.

Глава III. Сказывание как элемент дискурса.

До этого сказывание было рассмотрено только в качестве самостоятельной единицы коммуникации, хотя в ходе реального общения мы наблюдаем именно последовательность и связность речевых актов; поэтому в данной главе будет уделено внимание сказыванию как элементу дискурса. В конце концов, сказывание есть потому сказывание, что оно всегда совершается в общем контексте коммуникации. Они обуславливают друг друга в смысле части и целого. Соответственно, на данном этапе исследования пока остановимся на том, что дискурс — это последовательность сказываний, объединённых между собой логическими, смысловыми и контекстными связями.

Понятие дискурса в современном научном сообществе, и не только, стало столь распространённым, что, кажется, уже утратило свою строгую терминологическую природу. На данный момент существует множество различных смыслов, которые можно применить к этому понятию и при этом не совершить логической или методологической ошибки. Обращаясь к текстам, которые ставят своей задачей прояснение или установление чётких границ употребления этого слова, мы видим как «дискурс» прекращает восприниматься в качестве центрального понятия и становится средством для обоснования той или иной лингвистической, философской или логико-прагматической концепции. Например, В.С. Григорьева выделяет три типа употребления этого термина: «1) собственно лингвистическое, где дискурс мыслится как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию, как вид речевой коммуникации, как единица общения; 2) дискурс, используемый в публицистике, восходящий к французским структуралистам и, прежде всего, к Фуко; 3) дискурс, используемый в формальной лингвистике, пытающийся ввести элементы дискурсивных понятий в арсенал генеративной грамматики»³³. Дискурс может определяться исключительно как текст (Борботько), как социальная практика (Хабермас), как возможный мир в

³³ Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография /В.С. Григорьева. - Тамбов: Из-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2007. - 288с.

логических исследованиях (Степанов) или как связная последовательность речевых актов (Сусов). Представляется, что не будет сильным преувеличением сказать, что каждый исследователь, сохраняя общую идею — синтаксическая, семантическая и прагматическая целостность языковых структур в самом широком смысле этих слов, — акцентирует внимание на необходимых и важных именно для его работы деталях и открывает тем самым новые возможности для трактовок и интерпретаций. Таким образом, смысловое поле, охватываемое понятием дискурса, достаточно просторно для того, чтобы на нём смогли сосуществовать представители различных дисциплин. Однако в данной работе мы не будем разбирать все дефиниции, присвоенные «дискурсу», но, следуя сложившейся традиции, обратимся лишь к тем, которые касаются нашей темы, а именно логико-прагматической области знания, которая основывается на коммуникатороцентрическом подходе к дискурсу.

Возникшее от латинского «discurere» — «обсуждение», «переговоры», слово «дискурс» в качестве термина впервые было использовано в эпоху Возрождения, обретая затем в каждый значимый исторический период новый вариант использования и понимания³⁴. Во многом это связано с социальной, культурной или научной средой, устанавливающейся при смене парадигм. И если мы примем ту позицию, что «дискурс — это первоначально особое использование языка, в данном случае русского, для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии»³⁵, то увидим как на примере своей истории этот термин иллюстрирует собственное значение.

Так, к середине XX века повсеместно распространились исследования, посвящённые речевой деятельности и общей теории коммуникации, которые теперь описывали язык как акт, как нечто неотделимое от человеческой жизнедеятельности и организованное по её модели: среди её элементов присутствуют агенты, цель, речевая ситуация, прецедентные феномены и

34 См. Касавин И. Дискурс: специальные теории и философские проблемы // «Человек» №6 — 2006. - 55-71с.

35 Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. - М., 1998. - С.10

некоторое положение дел в мире. Язык перестал пониматься как устойчивая конструкция, существующая независимо от её пользователя, теперь он зависит от субъекта речи и выстраивается в процессе своего употребления, по сути, язык и его употребление становятся тождественны друг другу.

Вместе с этим создаются новые методы моделирования коммуникативных процессов: механистический подход меняется на деятельностный. В первом из них человек рассматривается как механизм, действия и возможности которого могут быть ограничены конкретными правилами, чья применимость не зависит от условий окружающего мира. Для второго же подхода характерно понимание коммуникации как явления процессуального, континуального и контекстуального³⁶. В этой ситуации ощущается необходимость пересмотра термина «дискурс» с целью его адаптации к новым условиям — возрождается коммуникативный подход к анализу дискурса, основанный на теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля. «Модель коммуникативного процесса находит непосредственное отражение в дискурсе, знаке, репрезентирующем обращение на поверхностном, языковом уровне»³⁷. Значит, в качестве единицы общения дискурс подчиняется общим принципам производства знака и поэтому становится предметом семиотики в целом и прагматики в частности.

Любой дискурс характеризуется следующими чертами: целостность и связность. Целостность проявляется в непрерывной смысловой последовательности его элементов, что позволяет воспринимать его как нечто упорядоченное и структурированное. Смыслы взаимополагают друг друга, образуя, пусть не всегда очевидный и доступный наблюдателю, но всё же единый и органичный комплекс высказываний.

Связность дискурса обеспечивается за счёт ряда закономерностей и правил, которые формируют комплексные коммуникативные единицы языка. «Связность может рассматриваться с точки зрения его [дискурса]: а)

36 Кашкин В.Б. Дискурс: учебное пособие. - Воронеж, 2004. - С.13

37 Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография /В.С. Григорьева. - Тамбов: Из-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2007. - С.13

интонационно-ритмического; б) логического; в) семантического; г) формально-грамматического оформления и обнаруживаться по специальным маркерам иллокутивного и/или дискурсивного характера»³⁸.

Также среди свойств дискурса выделяют его хронотопность, информативность, intersубъективность, интенциональность, процессуальность, модальность, прецедентность и сложность организации, посредством чего акцентируется внимание на его коммуникативной составляющей.

Дискурс представляется как результат совместной деятельности говорящего и слушающего. Действительно, если понимать дискурс как коммуникативный процесс, акторы которого взаимно обуславливают друг друга, то, как и в случае сказывания, пассивного участника в принципе быть не может. Адресат начинает воздействовать на говорящего ещё за пределами речевого действия. Обе роли настолько тесно связаны между собой, что их функции и цели так или иначе сливаются в одну — порождение знака. Таким образом, коммуникаторы в равной степени определяют процесс общения, одновременно дополняя и ограничивая возможности друг друга.

С этой точки зрения следует обратить особое внимание на хронотопность, или линейность дискурса, о которой ещё говорил Ф. де Соссюр: «Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью и б) эта протяженность имеет одно измерение — это линия»³⁹. Именно эта линия задаёт тематическую направленность дискурса, то есть контекст.

Ясно, что такое неотъемлемое свойство речи, как линейность, обосновывает всю важность вопроса «С чего начать?», ведь начало дискурса, в отличие от начала сказывания, задаёт его характер и границы возможной интерпретации. Так, говорящий никогда не может произвести более одного слова, более

38 Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография /В.С. Григорьева. - Тамбов: Из-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2007. – С. 22.

39 Макаров М.Л. Основы теории дискурса. - М., 2003. – С. 91

одного сказывания в один и тот же момент времени, что позволяет выделить в дискурсе его начало, продолжение и конец. Сказывания, предшествующие остальным речевым актам, становятся лингвистическим контекстом и влияют на дальнейшее восприятие слушающего. «Начало дискурса вводит нас в определенный возможный мир, связанные с ним культурные смыслы, знания, верования, общий пресуппозиционный фонд, стимулирует инференционное прогнозирование в заданном им направлении, активирует соответствующие установки, ожидания слушающих относительно темы дискурса и его продолжения»⁴⁰. Приведём пример для иллюстрации:

- 1) А: «Это пальто слишком дорогое для меня. Может быть, покажете ещё варианты?»
- 2) А: «Это пальто слишком яркое для меня. Может быть, покажете ещё варианты?»

В первом случае слушающий проинтерпретирует второе предложение как просьбу показать более дешёвое пальто, во втором — менее яркое. Таким образом, первое сказывание, выступая причиной второго, порождает контекст, возможный мир, в пределах которого для продолжения успешной и эффективной коммуникации возможны только определённые интерпретации, определённые речевые акты и определённые поступки. Также нетрудно заметить, что если бы А, примеряя пальто, сказал просто: «Может быть, покажете ещё варианты?», то В, вероятно, не зная полностью условий контекста (в отличие, например, от ситуации, когда вещь оказалась очевидно мала), мог с равной долей вероятности принести и менее дорогое, и менее яркое, и, возможно, менее строгое пальто.

Кроме того, опираясь на утверждение линейности дискурса, мы ещё раз доказываем, что именно прагматическая, а не семантическая, природа сказывания, определяет успешность и эффективность общения. Конвенциональная импликатура, заложенная в высказывании «Может быть, покажете ещё варианты?», скорее всего, была бы распознана верно, но без

⁴⁰ Макаров М.Л. Основы теории дискурса. - М., 2003. – С. 91

коммуникативной импликатуры, данной через знание контекста, риск недопонимания бы существенно повысился.

На это можно было бы возразить, что действительно, подобного рода высказывания наиболее успешны именно на стадии продолжения дискурса, однако, что касается его начала («Это пальто слишком дорогое для меня»), то его можно проинтерпретировать исходя из применения одной лишь семантики. Наш ответ на это возражение основывался бы на том, что интерпретация только конвенциональной импликатуры данного высказывания не учла бы всего смысла, который был заложен в него говорящим, а именно просьбы показать пальто подешевле. И хотя в том контексте, где А — покупатель, а В — продавец, можно было бы ограничиться только первым предложением за счёт того, что коммуникативная импликатура достаточно легко считывается благодаря прагматическим интуициям профессионального продавца, А всё-таки решает эксплицировать своё намерение, чтобы избежать неправильного толкования его речевого акта, то есть применяет Принцип Кооперации. Таким образом, не только начало дискурса обуславливает его продолжение, но и наоборот: в данном примере второе высказывание является вспомогательным для первого, делает его возможным.

Дискурс, как и речевой акт, имеет свою цель, достижение которой требует последовательного, рационального коммуникативного поведения, поэтому, как только что было показано, он может иметь уровневую структуру из основных и вспомогательных речевых актов; но выделим также и другие типы связи сказываний. Это ритуализированная последовательность, добавление, объяснение и исправление⁴¹. Если последние не требуют отдельного комментария, то на ритуалы в коммуникации следует обратить особое внимание.

На фоне остальных видов последовательностей сказываний, ритуалы имеют наиболее сильный прогнозирующий эффект, а иногда и вовсе создают

41 ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. - Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – С. 26

ситуацию, когда их употребление с необходимостью требует производства другого определённого речевого акта, например в случае поздравления и благодарности. Частая повторяемость данной последовательности позволяет автоматически её интерпретировать и производить. Это является основанием для того, чтобы отнести их в разряд речевых актов с конвенциональными импликатурами.

«Лексико-грамматическая форма конвенциональных речевых актов устойчиво ассоциируется с определенной функцией, неконвенциональные речевые акты, напротив, потенциально многофункциональны, и, следовательно, для их интерпретации должны быть задействованы более сложные когнитивные процессы»⁴². Суть конвенциональных речевых актов заключается в том, что они содержат в себе устойчивую связь формы и функции, которое определяет его как особую смысловую единицу, поэтому к ним также можно отнести и метакоммуникативные речевые акты, или гамбиты.

«Метакоммуникативные речевые действия — это высказывания, практически лишённые пропозиции и обладающие лишь иллокутивной силой (прагматическим значением). Они имеют своим объектом не реальность мира, а само речевое высказывание»⁴³. В них входят вступление в разговор, активизация речи собеседника, сигналы поддержания речевого контакта со стороны слушающего.

При производстве речи метакоммуникативные элементы играют далеко не последнюю роль, что подтверждается их наличием во всех типах дискурса. И хотя они не несут в себе никакой дополнительной информации в плане содержания сообщения, они служат особым инструментом для решения коммуникативных задач и достижения цели общения.

Итак, ритуализированные речевые акты в качестве элементов коммуникации выступают как наиболее детерминированные языковые конструкции, которые

42 ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. - Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – С. 26

43 Груздева Е.Б. Ритуализированный характер речевых актов: методические аспекты // *Lingua mobilis* №5 (38), 2012. – С. 37.

способствуют более точному выражению интенций говорящего и задают качество дискурса вообще.

Также последовательность сказываний может быть проанализирована со стороны их единства, которое ещё называют глобальным уровнем. В его рамках конструируется макроречевой акт, где результаты конкретных сказываний определяются исходя из общих намерений и целей. Так, инструктаж, проводимый стюардессой перед взлётом самолёта, только в единстве всех своих частей является таковым. Следовательно, «по отношению к составляющим последовательность частным речевым актам такая прагматическая макроструктура возможна вследствие 'редукции'»⁴⁴.

Таким образом, показано, что отдельные речевые действия могут быть как относительно самостоятельными единицами речи, так и взаимосвязанными компонентами глобального речевого действия, репрезентация которого определяется использованием макроправил.

Дискурс — это языковая единица высшего уровня, и даже если она состоит из одного сказывания, отличие от него заключается в её сложной структуре. «Речевые цепочки группируются в дискурсивные фазы. Так, обязательными дискурсивными фазами являются: установление контакта, фаза открытия коммуникации, ядерная фаза или фаза окончания, завершение беседы»⁴⁵. Стоит отметить, что каждая фаза, за исключением ядерной, если мы говорим именно о сказывании, может быть выражена невербально: участники могут использовать зрительный контакт, движение телом, приближение или отдаление.

Однако среди некоторых лингвистов существует мнение, что на глобальном уровне, то есть на уровне дискурса, не может быть никакой чёткой и определённой структурной организации⁴⁶. Если согласиться с этим утверждением, то придётся признать, что любой дискурс, любая беседа, речь,

44 ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. - Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – С. 33.

45 Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография /В.С. Григорьева. - Тамбов: Из-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2007. – С. 35.

46 Макаров М.Л. Основы теории дискурса. - М., 2003. – С. 115.

состоят из хаотически устроенной последовательности предложений, которая формируется «на месте» в зависимости от конкретного контекста. Однако каждый рациональный агент речи обычно интуитивно или осознанно понимает, каким образом следует упорядочить свою речь, чтобы она максимально верно передала интенции говорящего и была адекватно истолкована. И хотя в некоторой литературе есть примеры, доказывающие возможность абсолютной несогласованности предложений на лингвистическом уровне, такие как

А (врач): Как Вас зовут?

В (пациент, больной шизофренией): Ну, предположим, что у вас что-то было раньше, а теперь у вас этого нет.

А (врач): Я буду называть Вас Дин⁴⁷.

Это вовсе не является доказательством правильности утверждения, что дискурс не обладает структурой. Тем более, что приведенный пример не является единым дискурсом, скорее, здесь наблюдаются два макроакта, причём первый осуществляется рациональным агентом на основании меняющегося контекста, второй же производится не вполне рациональным агентом без опоры на контекст ситуации.

Обратимся к другому примеру:

А: Сколько времени?

В: Почтальон уже приходил сегодня утром.

Ясно, между этими двумя репликами связь прослеживается не так явно, как бы хотелось тем исследователям, которые желают обнаружить общую структуру дискурса, однако даже посторонний наблюдатель, находящийся вне данной речевой ситуации, в состоянии понять и проинтерпретировать этот диалог, что означает, что существуют общие, интуитивно схватываемые, схемы дискурса — структура обмена речевыми действиями, устройство которой позволяет выстраивать дискурс так, чтобы его понимали другие. В нормальной речевой ситуации коммуниканты всегда знают, какое

47 Labov W. Principles of linguistic change, cognitive and cultural factors. – John Wiley & Sons, 2011. – Т. 3. Р.26

высказывание будет уместным для данной последовательности, а какое нет, что, конечно, не обходится без влияния субъективных факторов.

С одной стороны, наличие упорядоченности в дискурсе подтверждается практикой разговора, рассказа, инструкций и т.д. С другой — Дж. Сёрль высмеивает эти мнимые фазы коммуникации, сравнивая их с кружкой пива, у которой тоже есть начало, продолжение и конец⁴⁸. То есть Дж. Сёрль настаивает на том, что при выявлении структуры дискурса необходимо учитывать в большей степени его коммуникативную составляющую, а не конвенциональную, потому что дискурс — это акт, который всегда индивидуален и уникален и зависит от совершающего его лица, что не определяет его как беспорядочный процесс. Так, у каждого, кто готовит пирог по одному рецепту, всё-таки получится свой неповторимый пирог; что говорить, об общей модели всех пирогов, когда рецепты могут бесконечно отличаться друг от друга, всё же оставаясь при этом рецептами. Ведь в этом заключена основная идея разделения регулятивных и конститутивных правил.

Далее, в своей лекции, а позже — статье о речевой коммуникации⁴⁹ Дж. Сёрль указывает на неприменимость своей теории к разговорному дискурсу. Во-первых, разговор, по его мнению, не подчиняется конститутивным правилам, во-вторых, у него нет цели и структуры в том виде, в котором они содержатся в речевом акте. Таким образом, говоря об отсутствии структуры в разговорах, Дж. Сёрль прежде всего имеет в виду отсутствие зеркальной схожести структурной организации речевого акта и дискурса, допуская всё же у последнего существование в его основании другого типа конструкций.

При попытке рассмотреть речевой акт в контексте дискурса, Дж. Р. Сёрль ввёл новые понятия: фон и коллективная интенциональность. Первое выступает как ситуативный контекст, второе включает в себя идею межличностного сотрудничества. Коллективная интенциональность «связывает теорию речевых актов с интеракционизмом в нехарактерной для

48 Сёрль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Философия языка. - М., 2010. – С. 115

49 Там же С. 120.

логического позитивизма онтологии, учитывающей intersubjectivity коммуникации, раскрывающуюся в групповом взаимодействии. *In brevi*, приближаясь к уровню дискурса, Дж. Сёрль просто вынужден менять всю идеологию общения, потому что и контекст, и коллективная интенциональность — категории, характерные для принципиально иного подхода»⁵⁰.

Таким образом, ставшая традиционной категория «речевой акт» при её восприятии в рамках дискурс-анализа требует переосмысления, что осознаётся даже в среде главных представителей данной теории. Лингвисты, логики и философы языка начинают всё яснее понимать: «модель дискурса, должна строиться на интеракционной основе с учетом факторов инференционной интерпретации, коллективной интенциональности и принципа intersubjectivity»⁵¹. С этим связан поиск новых единиц коммуникации. Мы уже упоминали об этом во второй главе, остановимся теперь на этом подробнее.

У. Эдмондсон предложил в качестве альтернативы речевому акту интеракционный акт, под которым он подразумевал минимальную единицу коммуникативного поведения, речевого и неречевого, не обязательно ведущую к достижению коммуникативных целей.

Т. ван Дейк⁵² сформулировал понятие коммуникативного акта, в понимание которого включены в своей неразрывной связи речевой акт говорящего, аудитивный акт слушающего и коммуникативная ситуация. Таким образом, коммуникативный акт имеет две «плоскости»: ситуация и дискурс. «Ситуацией является фрагмент объективно существующей реальности, частью которой может быть и вербальный акт»⁵³, а под дискурсом понимается макроречевое действие. Коммуникативный акт включает в себя следующие

⁵⁰ Макаров М.Л. Основы теории дискурса. - М., 2003. - С. 111.

⁵¹ Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. - Нижний Тагил, 2006. - С. 9.

⁵² ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. - Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. - С. 117.

⁵³ Варфоломеева И.В., Кулёмина К.В. Коммуникативный акт и его структура: дискурс // Альманах современной науки и образования. - Тамбов, 2009. - С. 47.

компоненты⁵⁴:

- 1) конситуация — собственно экстралингвистическая ситуация общения, условия коммуникации и его участники;
- 2) контекст, или семантический аспект, как имплицитно или эксплицитно выраженные смыслы, реально существующие, являющиеся частью ситуации, отражающиеся в дискурсе и актуальные для данного коммуникативного акта;
- 3) пресуппозиция, или когнитивный аспект, — область пересечения индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов, включая их представления о конситуации;
- 4) речь, или лингвистический аспект, — продукт непосредственного речепроизводства, то, что продуцируют коммуниканты.

Коммуникативный акт сам по себе не выполняет дискурсивной функции, что связано с тем, что иллокутивная составляющая одного такого акта не может выражать всего спектра задач, решаемых говорящим в определённый период общения. «Речевой акт остаётся виртуально коммуникативной единицей, потенциально предназначенной для достижения узкого набора типизированных коммуникативных целей»⁵⁵. Полная реализация речевого акта в дискурсе происходит только в качестве коммуникативного хода: речевого действия, направленного на изменение лингвистического контекста и, соответственно, на развитие дискурса по направлению к достижению коммуникативной цели.

Таким образом, коммуникативный ход не всегда совпадает с границами одного сказывания, порой его реализация требует последовательности коммуникативных актов, образующих в своей совокупности сложный макроакт. «Обобщая разные интерпретации категорий акт и ход, можно сказать, что главной отличительной чертой коммуникативного хода является его функция в отношении продолжения, развития дискурса в целом»⁵⁶.

Помимо названных элементов дискурса, также выделяется репликовый шаг,

54 В.В. Красных 4. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – С. 194

55 Макаров М.Л. Основы теории дискурса. - М., 2003. – С. 117

56 Макаров М.Л. Основы теории дискурса. - М., 2003. – С. 119.

который обозначает определённый эпизод дискурса, ограниченный установленными на данный момент ролями говорящего и слушающего. Другими словами, каждый раз, когда происходит переход роли говорящего от одного участника дискурса к другому, начинается новый репликовый шаг. Преимуществом признания этой единицы коммуникации в качестве основной является то, что она учитывает поведение и реакции всех коммуникантов. Кроме того, законченный репликовый шаг может быть шире, чем коммуникативный ход, что делает его наиболее точным инструментом для выражением всех намерений говорящего. Это значит, что репликовый шаг, по сравнению с другими коммуникативными единицами, предоставляет агентам речи наибольшую свободу, так как включает в себя все сказанное определённым агентом на конкретном этапе дискурса. За счёт эластичности своих границ, он даёт возможность в той или иной степени обходить ограничения, заданные языком, контекстом и обстоятельствами речи. Так, в пределах одного репликового шага можно сделать некоторое утверждение, затем обосновать его и, наконец, задать вопрос собеседнику о согласии с высказанным. В этом смысле, репликовый шаг не есть сказывание в обозначенном нами смысле: его определяющим качеством является не совершение конкретного и единичного речевого действия, а производство одного или ряда высказываний, выполняющих различные функции для достижения общей цели говорящего.

С понятием репликового шага тесно связано понятие коммуникативной тактики, которая определяется как «совокупность практических ходов в реальном процессе коммуникативного взаимодействия, позволяющих достичь поставленных целей в конкретных ситуациях»⁵⁷. Так, речевая тактика дискурса похожа на иллокутивную силу речевого акта: она может быть тактикой утверждения, тактикой совета, тактикой сомнения, тактикой приказа и др.

Тактики служат способом реализации коммуникативной стратегии в

⁵⁷ Кравец М. А. Коммуникативная стратегия: систематизация определений. Подходы к разработке // Вестник Воронеж. Гос. Ун-та. Сер.: Экономика и управление. – 2013. №1. – С. 36

конкретной коммуникативной ситуации. «Стратегия определяется, как правило, общей целью, тактика — коммуникативным намерением (интенцией)»⁵⁸. Таким образом оба понятия, будучи тесно связаны между собой, являются неотъемлемыми для теории дискурса.

Приёмы, при помощи которых тактики воплощают речевую стратегию, бывают двух типов: тривиальные (конвенциональные) и нетривиальные (коммуникативные). Так, каждое высказывание дискурса или их последовательность преследует множество целей, что заставляет говорящего не просто использовать язык, следуя готовым схемам, но и выбирать такие речевые пути, которые в итоге максимально полно и адекватно реализуют все его цели в соответствии с их расположением в системе иерархии. Ведь нетрудно догадаться, что одни цели предстают как стратегические, или глобальные, другие — тактические, или локальные.

Линейный характер дискурса заставляет его участников избирать наиболее оптимальные способы формирования иерархии целей, их достижения, а также планировать свои действия, исходя из общего представления о структуре данного дискурса.

«Таким образом, в широком смысле коммуникативная стратегия может определяться как тип поведения одного из партнёров в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотносится с планом достижения глобальной и локальной коммуникативных целей в рамках типового сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа»⁵⁹. Выделение в дискурсе коммуникативных стратегий и тактик определяет его как максимально гибкую и динамичную структуру. Благодаря этому свойству, дискурс подвижен и доступен для корректировки непосредственно в процессе его производства. Тем не менее в реальной практике общения часто наблюдается ритуализация стратегий, как того, что закрепляется за определёнными ролями и институтами. Это, наоборот, делает

58 <http://scicenter.online/russkiy-yazyik/231-ponyatiya-kommunikativnaya-strategiya-90429.html>

59 Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография /В.С. Григорьева. - Тамбов: Из-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2007. – С. 103.

дискурс законстелелым образованием, произведённым не свободной языковой личностью, а социальной единицей, поведение и намерения которой детерминированы её ролью и функциями.

В связи со сказанным ещё раз поставим вопрос о том, что такое дискурс и какую роль в его производстве играет сказывание в качестве его элемента. В этой главе мы дали два подхода к определению дискурса: во-первых, дискурс как последовательность сказываний, объединенная логическими, смысловыми и контекстными связями, во-вторых, дискурс как макроречевой акт, направленный на достижение определённой цели. Первый подход описывается или кодовой моделью коммуникации, которая понимает общение как преобразование сообщения в сигналы кода, приспособленные для трансляции; или инференционной моделью коммуникации, воспринимающей общение как способ выражения интенций через совершение речевых актов говорящим перед слушающим. Второй подход характерен для интеракционной модели коммуникации. Она предлагает производить анализ коммуникации с учётом всех условий контекста, в том числе и социально-культурных. Общение здесь предстаёт как более многоуровневая система: его участники не просто сообщают информацию или приказывают, советуют, просят — они совершают эти действия на фоне значимых для них условий контекста, понимаемых нами в самом широком смысле. По сути, только интеракционная модель воспринимает дискурс как самостоятельную языковую единицу, обладающую собственными функциями и задачами, что открывает возможность расширения знания не только о нём, но и о его составляющих, то есть сказываниях.

Дискурс как макроречевой акт может состоять как из нескольких, так и из одного сказывания, которые производятся всеми участниками общения, вне зависимости от того, кем они выступают, говорящими или слушающими. Ясно, что самой глобальной целью дискурса является взаимопонимание, без которого невозможно достижение уже никакой частной цели, поэтому сказывание можно интерпретировать только исходя из всего дискурса,

полагающего лингвистический и экстралингвистический контекст для этой интерпретации. Здесь можно возразить, что интерпретация отдельного сказывания на фоне всего речевого дискурса невозможна в силу его линейности, дискурс как акт никогда не дан в своей полноте. Действительно, как только мы узнаём все обстоятельства дискурса, мы выходим за его пределы, то есть для нас он, как макроречевой акт, уже завершён. Тем не менее, выходом из этой ситуации будет понятие коммуникативной стратегии, как теоретического плана, ведущего к достижению намеченных целей.

Так, контекстуалисты Д. Спербер и Д. Уилсон⁶⁰ предложили теорию релевантности, которая хотя и относится к инференционной модели коммуникации, может быть включена в интеракционный подход. В центр своей теории они ставят интенции говорящего, которые слушающий должен понять, следуя стратегиям интерпретации. Она же, в свою очередь, выполняет функцию прогнозирования того, что будет сказано собеседником, то есть слушающий приписывает говорящему некоторую речевую интенцию, обуславливающую форму и содержание его высказывания. Разумеется, подобное прогнозирование не гарантирует успеха, но чаще всего оправдывает себя, приводя участников к взаимопониманию. «Интерпретировать высказывание — значит определить, какие из гипотез являются релевантными, то есть соответствуют речевой интенции говорящего»⁶¹.

Авторы теории выделяют два вида интенций говорящего: информативную, когда говорящий делает её полностью прозрачным для адресата, и коммуникативную, когда её содержание может быть раскрыто только через распознавание коммуникативной имплицатуры. При этом релевантность высказывания делает информацию достойной того, чтобы интерпретатор приложил усилие для её обработки. «Существует обратная связь между

60 Спербер Д., Уилсон Д. Релевантность// Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып.23: Когнитивные аспекты языка – С. 153-212

61 Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография /В.С. Григорьева. - Тамбов: Из-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2007. – С. 86.

интеллектуальным усилием, прилагаемым адресатом, в результате которого возникает определённый когнитивный эффект, и релевантностью: чем больше усилий приходится приложить адресату для обработки высказывания и понимания коммуникативного намерения говорящего, тем менее релевантным является данное высказывание»⁶².

Таким образом, как дискурс, так и сказывание уже существуют в некотором предданном, теоретическом или, точнее, гипотетическом состоянии, прежде чем они будут реализованы в качестве акта. И в задачи коммуникантов входит правильное применение прагматических интуиций и выстраивание адекватных стратегий коммуникации на всех этапах дискурса, а не исключительно при его непосредственном производстве.

Анализ дискурса через интеракционную модель объясняет также то, почему естественный язык так трудно поддаётся логической формализации. Осуществляемый не абстрактными субъектами речи, а реальными агентами коммуникации, процесс общения, как мы уже видели, не всегда подчиняется строгим правилам логики.

Влияние этих субъективных факторов мы можем обнаружить даже на примере аргументативного дискурса, который, как кажется, в наибольшей мере должен соотноситься с правилами логического вывода. Как отмечает Е.Г. Драгалина-Чёрная, современная психология имеет в своём распоряжении множество фактов, свидетельствующих о рассуждениях реальных когнитивных агентов, не вписывающихся в традиционные логические стандарты. «Экспериментальные данные свидетельствуют о высокой частотности контекстных и культурных влияний, а также воздействии субъективных предпочтений и прошлого опыта на рассуждения агентов с ограниченными ресурсами о специализированной предметной области в конкретной коммуникативной ситуации»⁶³.

Таким образом, возможно, что не логика определяет прагматику языка, а

62 Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография /В.С. Григорьева. - Тамбов: Из-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2007. – С. 89

63 Драгалина-Чёрная Е.Г. Неформальные заметки о логической форме. – СПб., 2015. – С. 116

наоборот: практики дискурса выстраивают внутреннюю логику коммуникации. «Что считать человеческой рациональностью? Процесс рассуждения, служащий воплощением контекстно-независимых формальных теорий, подобных пропозициональной логике, или процесс рассуждения, хорошо приспособленный для решения адаптивных проблем?»⁶⁴. Именно поэтому изучение дискурса как макроречевого акта, элементами которого являются минимальные коммуникативные единицы — сказывания, представляется важным не только для лингвистики, но и для логики и философии языка.

⁶⁴ Драгалина-Чёрная Е.Г. Неформальные заметки о логической форме. – СПб., 2015. – С. 116

Заключение.

В представленной дипломной работе при помощи логико-прагматического анализа было рассмотрено сказывание как элемент дискурса. Основной характеристикой данного анализа является то, что он обращён к ситуациям непосредственного употребления языка — речевого общения, то есть учитывает не только лингвистическую, но и, главным образом, коммуникативную природу языка. Это стало решающим фактором для определения направленности и логики всего исследования.

Так, для достижения поставленной цели было необходимо решить ряд задач, сформулированных в соответствии со структурой и функциями самого сказывания: начиная с его элементов, мы закончили сказыванием как элементом дискурса.

Итак, сказывание — это речевое действие, производимое всегда в рамках определённого дискурса и контекста. С точки зрения терминологии, его принято называть речевым актом, понятие которого ложится в основание уже ставшей классической теории речевых актов. В результате, понимая сказывание преимущественно как речевой акт и опираясь на названную теорию, мы изучили его устройство.

Главное отличие речевого акта от других языковых конструкций заключается в том, что он сочетает в себе два компонента: пропозицию и иллокутивную силу. Первая представляет собой такое содержание речевого акта, которое остаётся неизменным при смене форм речевого высказывания и его иллокутивных сил. В свою очередь, вторая является коммуникативной функцией речевого акта, выделяющая структурно-семантическому предложению определённое место в контексте коммуникации, а также задаёт ему мотив, цель и направление, уместность которых возможна только при конкретных условиях. Другими словами, иллокутивная сила — это целенаправленное воздействие на собеседника при помощи языковых средств. Речевой акт не может быть таковым, если в нём не содержится иллокутивная сила, которая не позволяет проанализировать его с позиций

логики и охарактеризовать как истинное или ложное. В соответствии с тем, какой из его аспектов был выбран в качестве объекта внимания, иллокутивный или перлокутивный, речевое действие бывает лишь успешным/неуспешным и эффективным/неэффективным. Чёткое разделение пропозиции и иллокутивной силы определяет области применения логики и прагматики.

Также были рассмотрены такие понятия, как интенция, семантическая и прагматическая пресуппозиции, коммуникативная и конвенциональная имплицатуры. В результате, можно сделать вывод о том, что речевой акт представляет собой сложный комплекс различных прагматических и семантических структур, которые иногда столь тесно связаны между собой, что их различение вызывает трудности у лингвистов, логиков и философов языка.

В процессе поиска выхода из этих затруднений формируется тот или иной подход к пониманию отношения речевого акта, сказывания к агентам коммуникации. Так, особенности того или иного подхода можно самым явным образом наблюдать при изучении того, как в нём предстаёт процесс интерпретации.

В данном исследовании анализ подходов к интерпретации сказывания основывался на работах Ф. Реканати, одного из представителей современной прагматики. Он разделяет стандартный и контекстный подходы. Согласно первому, интерпретирующему сознанию доступно лишь «то, что сообщается». «То, что сказано», как лексическое значение пропозиции и условий контекста, и «то, что подразумевается», как коммуникативная имплицатура, находятся за пределами непосредственно интерпретирующего сознания. Второй подход основан на том, что для сознания интерпретатора доступно и то, что сказано, и то, что подразумевалось. Это становится возможным в силу введения понятия прагматической интуиции, присущей всем нормальным агентам коммуникации.

В процессе интерпретации прагматическая интуиция имеет решающее

значение, так как для полного понимания того, что сказано, недостаточно одной лишь семантики. Таким образом, мы приходим к следующему выводу: сказывание абсолютно прагматично по своей природе.

Последнее означает, что адекватную интерпретацию сказывания невозможно произвести без принятия того, что оно всегда есть элемент дискурса, коммуникации. В данной работе были представлены два подхода к определению дискурса: во-первых, дискурс как последовательность сказываний, объединенная логическими, смысловыми и контекстными связями, во-вторых, дискурс как макроречевой акт, направленный на достижение определённой цели. Первый подход описывается или кодовой моделью коммуникации, или инференционной. Второй характерен для интеракционной модели коммуникации, которая предлагает производить анализ коммуникации с учётом всех условий контекста, в том числе и социально-культурных. Исходя из выводов, сделанных нами в предыдущих частях работы, мы заключили, что именно интеракционная модель дискурса наиболее полно отражает всю специфику понятия сказывания.

В рамках дискурса речевое действие начинает выполнять те функции, которые не могли быть ему приписаны при его анализе как отдельной единицы общения. Сказывание выполняет функции интеракционного акта, коммуникативного акта, коммуникативного хода, репликового шага. В этом смысле, в смысле сказывания как элемента дискурса, данное понятие становится шире понятия речевого акта.

Таким образом, был произведён логико-прагматический анализ сказывания как элемента дискурса. В ходе него мы выяснили, что сказывание — это прежде всего прагматическая единица языка, которая существует только в рамках коммуникации. Данное заключение имеет теоретическую и методологическую ценность для логических исследований, так как выявление логической формы, отношения логического следования, форм обоснования и аргументации с необходимостью требуют понимания того, что представляет собой речь и язык.

Список литературы.

1. Арнольд И.В. Статус импликации в системе текста // Интерпретация художественного текста в языковом вузе. - Л., 1983. - 15с.
2. Артюнова Н.Д. Фактор адресата. // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т.40, №4, - М., 1981. - 487с.
3. ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. - Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. - 308с.
4. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. - М., 1996, - 203с.
5. Вострикова Е.В. Семантика vs прагматика: современные подходы. // Панорама. Эпистемология & философия науки №4, Т.XXX. - 2011 — 99-115с.
6. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. - М., 1985. - 218-228с.
7. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография /В.С. Григорьева. - Тамбов: Из-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2007. - 288с.
8. Груздева Е.Б. Ритуализированный характер речевых актов: методические аспекты // Lingua mobilis №5 (38), 2012. - 35 — 41с.
9. Димова А.Е. Коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика в дискурсе. - М., 2004. - 88с.
10. Драгалина-Чёрная Е.Г. Неформальные заметки о логической форме. - СПб, 2015, - 202с.
11. Дымарский М.Я. Прагматика как векторная семантика. // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. Вып. 2 (24) — Новосибирск, 2015. - С.121
12. Касавин И. Дискурс: специальные теории и философские проблемы //

«Человек» №6 — 2006. - 55-71с.

13. Кашкин В.Б. Дискурс: учебное пособие. - Воронеж, 2004. - 76с.

14. Кобозева И.М. К распознавания интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки) // Вестник Московского университета. Серия 10. Филология, №3. - 2006. - 72-81с.

15. Кобозева И.М., Сунь Шуфан. Иллокутивная функция высказывания и модальность предложения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, №5, - 2004. - 43-61с.

16. Варфоломеева И.В., Кулёмина К.В. Коммуникативный акт и его структура: дискурс // Альманах современной науки и образования. - Тамбов, 2009. - 46 — 49с.

17. Кравец М. А. Коммуникативная стратегия: систематизация определений, подходы к разработке // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Экономика и управление. – 2013. – №. 1. – С. 149-153.

18. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2001 — 264с.

19. Красных В.В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере). // Язык, сознание, коммуникация. Под ред. В.В. Красных, А.И. Изотов Вып.1. - М., 1997 — 145-156с.

20. Ладов В.А. Интенциональность в аналитической философии и феноменологии // Язык, сознание, мир. Очерки компаративного анализа феноменологии и аналитической философии. - М., 2010. - 4 — 56с.

21. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. - М., 2003. - 280с.

22. Мигунов А.И. Логика и прагматика дискурса. // Логико-философские штудии. Вып.8. - СПб, 2010. - 23 — 31с.

23. Мигунов А.И. Семантика аргументативного речевого акта. // Мысль №6. - СПб., 2006. - 30 — 41с.
24. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. - СПб, 2007. - 819с.
25. Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. - Нижний Тагил, 2006. - 146с.
26. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. - М., 2010. - 296с.
27. Пащенко М.А. Выявление единиц коммуникации: коммуникативно-стратегический подход. // Вестник ЗабГУ. Вып 92. - Чита, 2013. - 119 — 127с.
28. Романов А. А. Семантическая структура высказываний-просьб //Семантика и прагматика синтаксических единств.—Калинин. — 1981. — С. 68-75.
29. Серль Д. Р. Перевернутое слово //Вопросы философии. — 1992. — №. 4. — С. 58-69
30. Сёрль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Философия языка. - М., 2010. - 40-76с.
31. Спербер Д., Уилсон Д. Релевантность// Новое в зарубежной лингвистике. Вып.23: Когнитивные аспекты языка - М., 1988. - 153-212с.
32. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. - М., 1998. - 784с.
33. Столнейкер Р.С. Прагматика. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16.Лингвистическая прагматика- М., 1985. - 420-436с.
34. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах. // Философия языка. - М., 2010. - 25-39с.
35. Campbell R. Language acquisition, psychological dualism and the definition

- of pragmatics // Possibilities and Limitations of pragmatics, ed. H. Parret, M. Sbisà.
- Amsterdam: Benjamins, 1981 — 95- 129c.
36. Gibbs R. W. , Moise J.F.. Pragmatics in understanding what is said. *Cognition*.
Vol.62(1):51, 1997. - 112p.
37. Labov W. Principles of linguistic change, cognitive and cultural factors. –
John Wiley & Sons, 2011. – T. 3.
38. Potts C. Conversational implicature: an overview. - Stanford, 2012. - 23p.
39. Potts C. Presupposition and implicature. - Stanford, 2014 — 76p.
40. Recanati F. The pragmatics of what is said // *Mind and Language*. Vol. 4(4),
1989. - 56-74p.
41. Recanati F. What is said and the semantics/pragmatics distinction. 2002, - 51p.
42. Searle J.R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. - Cambridge,
1983. - 83p.
43. Stubbs M. Discourse analysis: The sociolinguistic analysis of natural
language. – University of Chicago Press, 1983. – T. 4.

